

ФГБУН ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
Отдел памятников письменности народов Востока

XV ежегодная
проблемно-методологическая конференция

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ВОСТОКА

20–22 октября 2025 г.

Тезисы докладов



Москва, ИВ РАН
2025

УДК 94(5)(082)+7(1/9)
ББК ТЗ(5/6)+Щ03/Щ03(8)
ТЗ0

Ответственный редактор — Л. В. Горяева

Составители выпуска — Л. В. Горяева, С. В. Лахути

Научное и техническое редактирование —
С. В. Лахути, О. К. Матвеева

Форматирование, компьютерная верстка,
мониторинг восточных шрифтов — В. Н. Настич, С. В. Лахути

Т-30 **XV ежегодная** проблемно-методологическая конференция «Текстология и источниковедение Востока». 20–22 октября 2025 г. : тезисы докладов / Сост. и отв. ред. Л. В. Горяева. — М.: ИВ РАН, 2025. — 126 с.

Сборник тезисов докладов, заявленных для прочтения на XV Международной проблемно-методологической конференции «Текстология и источниковедение Востока», организованной сотрудниками Отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН и проводимой в Москве 20–22 октября 2025г. Англоязычные версии тезисов публикуются в авторской редакции.

The present volume is a collection of abstracts of papers presented at the 15th International Annual Problematic-Methodological Conference 'Textology and Source Studies of the East', organised by the staff of the Department of Oriental Written Sources at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, and held in Moscow from 20 to 22 October 2025. The English-language versions of the abstracts are published in the authors' original form.

© Горяева Л. В., Лахути С. В.,
составление, 2025
© ФГБУН ИВ РАН, 2025

От составителей

Публикация тезисов докладов, которые прозвучат на заседаниях XV ежегодной конференции «Текстология и источниковедение Востока», как и в прошлом году, осуществляется в сетевом формате — на страничке отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН, что позволяет расширить круг их потенциальных читателей. Стоит отметить здесь как приверженность организаторов конференции к сложившемуся за полтора десятилетия формату наших заседаний, так и их все более пристальное внимание к уровню докладов, зачитываемых на наших ежегодных сессиях.

Круг исследователей, представляющих свои работы на наш суд, складывается как из «ветеранов» конференции, так и из новых авторов, в значительной своей части — востоковедов молодого поколения. В течение года, с сентября по май, сотрудники и гости Отдела памятников имеют возможность познакомиться с каждым из них на семинарах, проходящих по традиции дважды в месяц, и, разумеется, на наших октябрьских конференциях. Не оставляют нас своим вниманием и зарубежные ученые, интересующиеся близкой тематикой. В этом году круг лиц, представивших свои доклады, пополнился коллегами из Ирана, Таджикистана и Узбекистана. В числе постоянных участников конференции нельзя не упомянуть наших давнишних друзей из Санкт-Петербурга, Уфы и Махачкалы.

Как известно, изучение первоисточников служит ценнейшим фундаментом для востоковедных штудий самого разного направления. Все направления в равной мере заслуживают нашего внимания и помогают нарисовать его наиболее полный и адекватный портрет.

Л. В. Горяева

Содержание

От составителей	3
Содержание	4
A. В. Акопян (<i>Alexander V. Akopyan</i>)	
О медных монетах, выпускавшихся сефевидскими шахами	11
On the Copper Coins Issued by Safavid Shahs.....	12
B. В. Бельский (<i>Vladimir V. Belsky</i>)	
Образ пророков в псалмических текстах Ветхого Завета... 14	
The Image of Prophets in the Psalmic texts of Old Testaments... 15	
B. Д. Бутолин (<i>Vladimir D. Butolin</i>)	
Придворный маджлис как конфликтное поле идентичности в раннеклассической персидской касыде... 17	
The court majlis as a field of conflict over identity in early classical Persian qasida.....	18
E. В. Гордиенко (<i>Elena V. Gordienko</i>)	
Тексты о Тхао Дыонге (997–1047) – основателе одной из школ созерцательного буддизма во Вьетнаме..... 20	
Texts about Thao Duong (997–1047) – the Founder of One of the Thiền Buddhism Schools in Vietnam	22
3. Занд (<i>Zagros Zand</i>)	
Достоверность «Шахнаме» как исторического источника в части, посвященной последним царям Сасанидов	24
The credibility of the Shahnameh as a historical source in the part on the last Sassanid kings.....	25

3. Б. Ибрагимова (<i>Zaira B. Ibragimova</i>)	
Проблема мухаджирства в дагестанской богословской полемике конца XIX — начала XX вв.....	27
The problem of muhajirism in Dagestani theological polemics of the late 19th — early 20th centuries.....	28
О. А. Казакевич (<i>Olga A. Kazakevich</i>)	
История тайги и тундры в дневниках Г.Н. Прокофьева.....	30
The history of taiga and tundra in the diaries of Georgiy N. Prokofiev.....	31
А. А. Кириллова (<i>Anastasia A. Kirillova</i>)	
Комплексный анализ термина səpīnā из Иона 1:5.....	34
The multi-aspect analysis of the term səpīnā in Jonah 1:5..	35
Т. Г. Корнеева (<i>Tatiana G. Korneeva</i>)	
«Идеальный исмаилит»: конструирование образа на материале трактатов Насира Хусрава и Насир ад-Дина Туси ...	37
“The Ideal Ismaili”: Constructing an Image Based on the Treatises of Nasir Khusraw and Nasir al-Din Tusi	38
Л. Г. Лахути (<i>Leyli G. Lahuti</i>)	
Фарид ад-Дин ‘Аттар о поэзии и пророчестве	40
Farid al-Din ‘Attar on Poetry and Prophecy.....	41
С. В. Лахути (<i>Sofia V. Lahuti</i>)	
Темы и коммуникативные интенции посланий в «Шах-наме»: отражение в базе данных	43
Topics and communicative intentions of messages in the Shahnameh: representation in a database	44

3. А. Магомедова (*Zeinab A. Magomedova*)

Печати дагестанских арабоязычных эпистолярных источников XVIII – начала XX вв.: семантика и художественное оформление..... 46

Seals of Dagestan Arab language epistolary sources of the 18th to early 20th centuries: semantics and artistic design..... 47

Ф. Машадирафи (*Fereshteh Mashhadirafi*)

Образ Александра Македонского как пророка-благодетеля (на примере «Искандернаме (часть «Хата»)» Манучехр-хана Хакима) 49

The image of Alexander the Great as a prophet-benefactor (case study: the "Iskandar namah (the part of Khata)" by Manuchihr Khan Hakim)..... 50

Д. В. Микульский (*Dmitri V. Mikulski*)

Современное арабское издание эротического трактата Бустан ар-рагибин... (рубеж XIX–XX вв.) 52

The contemporary Arabic edition of the erotic treatise Bustan al-raghibin... (late 19th to early 20th centuries) 53

Д. Е. Мишин (*Dmitriy Y. Mishin*)

Арабские пословицы, поговорки и крылатые выражения для персидскоязычного читателя: трактат «Яхонты познаний и блестящие звезды» 55

Arabic Proverbial Sayings for a Persian-Speaking Reader: the treatise of 'The Rubies of Knowledge and the Brilliant Stars'..... 56

Е. Л. Никитенко (*Evgeniya L. Nikitenko*)

Иранская история любви в переписке и в переводе..... 58

The Iranian Love Story in Correspondence and Translation..... 59

Н. Нуров (*Nurali Nurov*)

Первое издание Дивана Хафиза на основе рукописей
Мавераннахра 61

First edition of the Divan of Hafiz based on the manuscripts
of Maverannahr 62

М. Н. Османова, А. М. Нурмагомедов (*Milena N. Osmanova,
Abdulgamid M. Nurmagomedov*)

Арабографические старопечатные книги из коллекции
дагестанского востоковеда М.Г. Нурмагомедова (1909-
1997)..... 64

The Arab graphic old-printed books from the collection of
Dagestani orientalist M.G. Nurmagomedov (1909–1997)66

Н. И. Пригарина (*Natalia I. Prigarina*)

Вопросы герменевтики исмаилитской поэзии Насира
Хусрава 68

Decoding Nasir Khusraw's Ismaili Verse: Core
Hermeneutical Issues..... 69

А. Д. Притула, А. И. Белозерцева
(*Anton D. Pritula, Alexandra I. Belozertseva*)

Поэма Исаяи из Бет-Свирина о нашествии Тамерлана71

The Poem of Isaiah of Beṭ Šbīrīnā on the Invasion of
Tamerlane..... 72

М. Р. Пышненко (*Maxim R. Pyshnenko*)

Историческая текстология и «Хуаян го чжи»: к
постановке проблемы..... 74

Historical Textual Criticism and the Huayang guo zhi:
Defining a Research Problem 75

М. Л. Рейснер (*Marina L. Reysner*)

Черты «нового стиля» (*tarz-i tāza*) в газелях Талиба
Амули (1586–1627) 77

Features of the 'new style' (*tarz-i tāza*) in the ghazals of
Talib Amuli (1586-1627)..... 78

В. А. Розов (*Vladimir A. Rozov*)

«Утешение озабоченного историей астрологов» Ибн
Тавуса как источник сведений о придворной культуре
Аббасидского халифата 80

'The Comfort of the Concerned by the History of Astrologers'
by Ibn Ṭāwūs as a Source for the Court Culture of the
Abbasid Caliphate..... 81

И. Р. Саитбатталов (*Iskander R. Saitbattalov*)

Тюркоязычная поэзия Мухаммада Хасана Катила:
текстологические замечания 83

Turkic poetry of Muhammad Hasan Qatil: textual comments... 84

А. М. Сидоров (*Artur M. Sidorov*)

Большая масора книги Исход в пяти ранних рукописях
еврейской Библии: сравнительное изучение и
некоторые находки 86

The Masorah Magna of the Book of Exodus in Five Early
Manuscripts of the Hebrew Bible: A Comparative Study and
Findings 87

О. А. Соколов (*Oleg A. Sokolov*)

Суфии и крестоносцы: типология нарративов в
мусульманских источниках 89

Sufis and Crusaders: A Typology of Narratives in Muslim
Sources 90

Х. М. Сулаймонова (<i>Khulkar M. Sulaymonova</i>)	
«Расāиль аль-Хорезми» как источник по истории арабской эпистолярной прозы: источниковедческий и текстологический аспект.....	92
"Rasā'il al-Khwarizmi" as a Source on the History of Arabic Epistolary Prose: Source-Critical and Textological Aspects.....	93
Д. М. Тимохин (<i>Dmitriy V. Timokhin</i>)	
Об одной поздней версии нарратива о потомках Йафета ибн Нуха.....	95
About a later version of the narrative about the descendants of Japhet ibn Nuh	96
Е. Н. Толмачева (<i>Ekaterina N. Tolmacheva</i>)	
К истокам значения слова «Сахалин» (название острова) ...	97
The origin of the word «Sakhalin» (name of the island)	98
М. В. Торопыгина (<i>Maria V. Toropygina</i>)	
Ксилографическая книга от замысла до воплощения в тексте и иллюстрациях сочинения Дзиппенся Икку «Издатель бьет прямо в яблочко!» («Атариясита дзихон доия», 1802)	100
Woodcut book from concept to embodiment in text and illustrations of <i>It's a hit! The 'local book' wholesaler!</i> (<i>Atariyashita jihon-doiya</i> , 1802) by Jippensha Ikku.....	101
С. В. Тхор (<i>Svetlana V. Tkhor</i>)	
Регулирование семейно-брачных отношений в Малаккском султанате (согласно «Малаккскому кодексу»).....	103
Regulation of family and marriage relations in the Malacca Sultanate (according to "The Code of Malacca")	104

Е. В. Тюлина (*Elena V. Tyulina*)

Модификации мифа о Пуруше в пуранах и его роль в осмыслении и описании мира 106

Modifications of the Purusha myth in the Puranas and its role in understanding and describing the world..... 107

К. В. Хазизова (*Ksenia V. Khazizova*)

Об этимологии имени монгольского полководца Саритая (по материалам корейских, китайских и монгольских летописей) 109

On the etymology of Mongolian commander Saritai's name (based on materials from Korean, Chinese, and Mongolian chronicles) 110

Н. Ю. Чалисова, В. В. Брыкина (*Natalia Yu. Chalisova, Vladlena V. Brykina*)

Любовь, политика и поэтика: о «Пяти сокровищах» суфийских поэм 'Имада Факиха Кирмани..... 112

Love, policy, and poetics: On the "Five treasures" of Sufi masnavis by 'Imad Faqih Kirmani 113

Наши авторы и редакторы 115

Our authors and editorial team 121

А. В. Акопян
(ИБ РАН)

**О медных монетах,
выпускавшихся сефевидскими шахами**

Ключевые слова: нумизматика; медные монеты; монетное право; Сефевиды; Иран

В докладе рассматривается история медных монет (*фулӯсов*) Ирана XVI–XVII вв., которые ранее относились исследователями к слабо дифференцированной группе «Иранская городская чеканка». Накопление данных позволяет уточнить типологию этих монет и отделить фулусы, выпускавшиеся иранскими городами, от шахских медных монет. Эмиссия последних уходит своими корнями в досефевидский Иран как в аспекте территории производства (в доменной области верховного правителя *хассе*), так и на терминологическом уровне (такие монеты назывались **хасс-бйк-й*, что позднее сократилось до *қāзбегй* и даже *қāз/қāз*). На сегодняшний день известно, что все шесть первых сефевидских шахов (Исма‘ил I, Тахмасп I, Исма‘ил II, Мухаммад, ‘Аббас I и Сафи I) расширенно трактовали присущее им монетное право *ас-сикка* и включали в него выпуск медных монет. В докладе обсуждаются текстуальные отличия шахских медных монет от городских фулусов, причины начала и прекращения их чеканки, количество выпускавших их монетных дворов, а также исправляются накопленные за полтора столетия ошибки, связанные с их атрибуцией. Показано, что до 975 г. х. /1568 г. Исма‘ил I и Тахмасп I спорадически и кратковременно чеканили шахские медные монеты (*фулӯс-и шāхй*) в отдельных регионах Ирана, по-видимому, входящих в состав их *хассе*. Однако, начиная с реформы 978 г. х. / 1570 г. и вплоть до 1040-х

гг. х. / 1630-х гг. на всей территории Ирана выпускались медные монеты только с именем шаха (как вариант — с указанием на их шахскую природу или с *таҳаллуҷом*, поэтическим псевдонимом, шаха). Единственным исключением из этого правила были области, затронутые ирано-турецкими войнами.

Alexander V. Akopyan

(Institute of Oriental Studies RAS)

On the Copper Coins Issued by Safavid Shahs

Keywords: numismatics; copper coins; monetary law; Safavids; Iran

The report examines the history of copper coins (*fulūs*) of Iran in the 16th – 17th cts., which were previously classified by researchers as belonging to the poorly differentiated group of “Iranian Civic Coinage.” The accumulation of data allows us to clarify the typology of these coins and separate the fuluses issued by Iranian cities from the copper coins of Shahs. The emission of the latter has its roots in pre-Safavid Iran both in terms of the territory of production (in *ḥaṣṣe*, the domain of the supreme ruler) and at the terminological level (such coins were called **ḥaṣṣ-bīk-ī*, which was later shortened to *qāzbeḡī* and even *qāz/ḡāz*). It is currently known that all six first Safavid shahs (Isma‘il I, Tahmasp I, Isma‘il II, Muhammad, ‘Abbas I and Safi I) broadly interpreted their inherent monetary law *al-sikka* and included the issue of copper coins in it. The report discusses the textual differences between the Shah’s copper coins and the civic fulus, the reasons for the start and end of their minting, the number of mints that struck them, and corrects the errors accumulated over a century and a half in their attribution. It is shown that until 975 AH / AD 1568, Isma‘il I and Tahmasp I sporadically and briefly minted royal copper coins (*fulūs-i shāhī*) in

certain regions of Iran, apparently parts of their *hasse*. However, from the reform of 978 AH / AD 1570 until the 1040s AH / AD 1630s, copper coins were issued throughout Iran only with the name of the Shah (alternatively — with an indication of their Royal nature or with or with Shah's *tahalluṣ*, poetic pseudonym). The only exception to this rule were the areas affected by the Ottoman-Persian wars.

В. В. Бельский

(Московская духовная академия)

Образ пророков в псалмических текстах Ветхого Завета

Ключевые слова: Библия, Псалтырь, псалмы Асафа, богослужebные песнопения, ветхозаветный проретизм, храмовые пророки, структура пророческой речи

В предлагаемом докладе рассматривается вопрос о рецепции института проретизма в древнееврейских псалмах. В качестве основного источника выступают ветхозаветные псалмические тексты, в которых упоминаются пророки (*nəḇîʾîm*).

Как известно, Еврейская Библия (Ветхий Завет) представляет собой собрание текстов, первоначальный узус которых в древнееврейской социокультурной общности мог меняться на фоне как трансформации данной общности, так и формирования указанного собрания. Тем не менее, именно создание и функционирование данных текстов в рамках одной языковой среды и одной культуры допускает вероятность наличия диахронических связей между текстами различных традиций, существовавших в рамках данной общности. Так, одним из магистральных направлений исследования является изучение преемственности идей библейских пророков и учительных книг Ветхого Завета (*ketûbîm*). В связи с этим рецепция феномена древнеизраильского проретизма в псалмических текстах представляет интерес не только с точки зрения выявления континуитета традиции пророков и традиции Писаний, но и как фиксация представлений о пророках в асметических библейских текстах. В пользу наличия подобной континуальности свидетельствует написание ряда псалмов именами

Асафа, Хемана и Йедутуна, «сыновья» которых названы в ветхозаветных повествованиях пророками (1Пар 25: 1, ср. 2Пар 29:30).

Источниковедческий анализ псалмов 73(74), 104(105), а также 50(51) позволит пролить свет на взаимосвязь традиций библейского пророчества и ветхозаветной литературы Мудрости, а также уточнить литургические функции пророков.

Vladimir V. Belsky

(Moscow Theological Academy)

The Image of Prophets in the Psalmic texts of Old Testaments

Keywords: Bible, Psalter, Psalms of Asaph, liturgical chants, Old Testament prophetism, Temple prophets, structure of prophetic speech

The proposed report examines the issue of the reception of the institute of prophetism in the Hebrew psalms. The main source is the Old Testament psalmic texts, which mention prophets (*nəḇîʾîm*).

As is known, the Hebrew Bible (Old Testament) is a collection of texts, the original usage of which in the ancient Jewish socio-cultural community could change against the background of both the transformation of this community and the formation of this collection. However, it is the creation and functioning of these texts within the framework of one language environment and one culture that allows for the possibility of diachronic connections between the texts of different traditions that existed within this community. Thus, one of the main areas of research is the study of the continuity of the ideas of the biblical prophets and the didactic books of the Old Testament (*kaṭûbîm*). In this regard, the reception of the phenomenon of ancient Israelite

prophetism in psalmic texts is of interest not only from the point of view of identifying the continuity of the tradition of the prophets and the tradition of the Scriptures, but also as a fixation of ideas about prophets in asmatic biblical texts. The presence of such continuity is evidenced by the inscription of a number of psalms with the names of Asaph, Heman and Jeduthun, "sons" who are called prophets in the Old Testament narratives (1 Chr 25: 1, cf. 2 Chr 29:30).

A source analysis of psalms 73 (74), 104 (105), and 50 (51) will shed light on the relationship between the traditions of biblical prophetism and the Old Testament literature of Wisdom, as well as clarify the liturgical functions of the prophets.

В. Д. Бутолин
(ИСАА МГУ)

**Придворный маджлис
как конфликтное поле идентичности
в раннеклассической персидской касыде**

Ключевые слова: персидская поэзия, маджлис, касыда, культурная память, Иран, Ноуруз

В раннеклассической персидской касыде заметно, что одним из главных источников вдохновения для придворных поэтов стали иранские праздники (Ноуруз, Михрган, Саде), широко отмечаемые при дворе на увеселительных собраниях-маджлисах. Иранские праздники не только обладали большим значением, но и ассоциировались с Ираном/‘Аджамом в культурном сознании. Таким образом, правитель, соблюдающий иранские обычаи, установленные легендарными царями прошлого, сам претендовал на статус царя Ирана, уподобляясь царям из легенд. Придворные панегиристы довольно часто называют своих покровителей царями Ирана, обращая внимание не столько на территории, которыми они владеют, сколько на соблюдение исконно иранского царского обычая пиршественного собрания по случаю праздника. Такое обращение к прошлому характерно для персидского панегирика; придворный праздничный церемониал сам по себе является формой культурной памяти.

В касыде прошлое восхваляется и затмевается одновременно: наряду с иранскими праздниками упоминаются и мусульманские, а образы великих царей прошлого сочетаются с образами из Корана или образами выдающихся арабов. В домонгольской касыде явно наблюдается стремление выделить правителя из числа современников, назвав

его царем Ирана и продолжателем дела царей прошлого; вместе с тем, идеи о политическом возрождении Иранского государства в литературе не прослеживаются. В этом видится одновременно как признание безвозвратной утери иранского прошлого, так и сохранение в культурной памяти идеи об иранской царской власти: наборе качеств, которым обладает правитель и придворном церемониале, который правитель соблюдает. Общее воображаемое прошлое выступает как объединяющий концепт: идея Ирана не привязана к территории, но привязана к культуре, в данном случае – к культуре придворной. Панегиристы и цари следуют существующей традиции, воспроизводя древний, но за прошедшие века потерявший связь со своими корнями ритуал празднования, практиковавшийся зороастрийцами-Сасанидами. В настоящем докладе на материале произведений Фаррухи Систани, Манучихри Дамгани и 'Унсури Балхи будет показан динамический процесс культурного соперничества иранской и мусульманской идентичности, который происходил в литературном поле в контексте презентации панегириков покровителя во времена маджлиса.

Vladimir D. Butolin

(Institute for Asian and African cultures MSU)

**The court majlis as a field of conflict over identity
in early classical Persian qasida**

Keywords: Persian poetry, majlis, qasida, cultural memory, Iran

In early classical Persian qasidas, it is noticeable that one of the main sources of inspiration for court poets were Iranian festivals (Nowrūz, Mihrgān, Sada), widely celebrated at court

during entertaining gatherings-feasts called majlis. Iranian festivals were not only of great importance, but were also associated with Iran/‘Ajam in the cultural consciousness; thus, a ruler who maintained Iranian customs established by legendary kings of the past claimed the status of king of Iran, likening himself to the legendary kings. Court panegyrists quite often refer to their patrons as kings of Iran, drawing attention not so much to the territories they rule, but to their maintenance of the ancient Iranian royal custom of holding a festive gathering on the occasion of a season festival. Such references to the past are characteristic of Persian panegyrics; court festive ceremonies are themselves a form of cultural memory.

In the qasida, the past is both praised and overshadowed: alongside Iranian festivals, Muslim holidays are also mentioned, and images of the great kings of the past are combined with images from the Quran or images of prominent Arabs. In the pre-Mongol qasida, there is a clear desire to distinguish the ruler from his contemporaries, calling him the king of Iran and the successor to the kings of the past; at the same time, there is no trace of ideas about the political revival of the Iranian state in the literature. This can be seen as both an acknowledgement of the irretrievable loss of Iran's past and the preservation in cultural memory of the idea of Iranian royal power: a set of qualities possessed by the ruler and the court ceremonial observed by the ruler. A shared imaginary past acts as a unifying concept: the idea of Iran is not tied to territory, but to culture, in this case court culture. Panegyrists and kings follow the existing tradition, reproducing an ancient ritual of celebration practiced by the Zoroastrian Sasanian dynasty; this ritual has lost touch with its roots over time. This paper, based on the works of Farruxī Sīstānī, Manūčīhrī Damgānī and ‘Unṣurī Balxī, will show the dynamic process of cultural rivalry between Iranian and Muslim identities that took place in the literary field in the context of the presentation of panegyrics to the patron during the majlis.

Е. В. Гордиенко
(ИСАА МГУ)

Тексты о Тхао Дыонге (997–1047) – основателе одной из школ созерцательного буддизма во Вьетнаме¹

Ключевые слова: Вьетнам, история Вьетнама, Дайвьет, буддизм, тхиен, Тхао Дыонг

Созерцательный буддизм – тхиен (Thiền 禪) – появился на территории современного Северного Вьетнама вскоре после возникновения школы чань в Китае – уже в VII в. Позднее, в 1059 г., с появлением государства Дайвьет, которым правила династия Ли (1010–1225), возникла новая школа тхиен, которая при поддержке двора должна была составить альтернативу старым школам. Ее основатель – проповедник китайского происхождения Тхао Дыонг (Thảo Đường 草堂, кит. Цао Тан, 997–1047).

Краткое сообщение о Тхао Дыонге содержится в историческом сочинении Ле Така «Краткое описание Аннама» (An Nam Chí Lược 安南志略, XIV в.), фрагменты которого были переведены на русский язык А.В. Никитиным. В нем сообщается, что Тхао Дыонг гостил со своим учителем в Чампе к югу от Дайвьета, но попал в плен во время военного похода вьетнамского монарха Ли Тхань-тонга. Затем Тхао Дыонг оказался в одном из вьетнамских буддийских монастырей в качестве слуги, но благодаря своим талантам сделал придворную карьеру и занял должность наставника государя. Кроме того, о школе Тхао Дыонг кратко сказано в средневековом буддийском сочинении

¹ Автор благодарит М.Ю. Ульянова за содействие в подготовке доклада.

«Собрание лучших цветов из садов тхиена» (Thiền uyển tập anh 禪苑集英, XIV в.).

Буддийские авторы и исследователи XX в. опирались на эти сочинения и более подробные тексты о Тхао Дыонге, не уточняя их названия, а лишь ссылаясь на «материалы, сохранившиеся в монастырях» (как пишет монах Тхить Тхань Ты во введении к сочинению «Вьетнамские монахи буддизма тхиен», опубликованном в 1992 г.).

Среди вьетнамских исследователей нельзя не упомянуть франкоязычного буддолога колониальной эпохи Чан Ван Зяпа (1902–1973) и его труд “Le bouddhisme en Annam, des origines au XIIIe siècle” (1932). По его сведениям, учениками Тхао Дыонга были члены династии Ли, а сама школа существовала всего пять поколений наставников – до 1205 г. (т. е. почти до конца правления династии Ли).

Большой вклад в изучение школы Тхао Дыонга внесли вьетнамские монахи-историки, опубликовавшие свои труды в 1970-х гг.: Тхить Мат Тхе («История буддизма во Вьетнаме», 1970) и Тхить Нят Хань, писавший под псевдонимом Нгуен Ланг («История вьетнамского буддизма», 1973). Вместе с тем наиболее полное изложение биографии Тхао Дыонга содержится в еще более позднем труде – книге упомянутого выше монаха Тхить Тхань Ты.

Elena V. Gordienko

(Institute for Asian and African cultures MSU)

Texts about Thao Duong (997–1047) – the Founder of One of the Thiền Buddhism Schools in Vietnam¹

Keywords: Vietnam, history of Vietnam, Đại Việt, Buddhism, Thiền, Thảo Đường

Thiền Buddhism (禪) appeared in the territory of modern Northern Vietnam soon after the emergence of the Chán school in China – already in the 7th century. Later, in 1059, with the emergence of the state of Đại Việt, ruled by the Lý dynasty (1010–1225), a new Thiền school arose, which, with the support of the court, was supposed to be an alternative to the old schools. Its founder was a preacher of Chinese origin, Thảo Đường (Chinese: Cǎo Táng 草堂, 997–1047).

A brief account of Thảo Đường is contained in Lê Tắc's historical work “A Brief Description of Annam” (An Nam Chí Lược 安南志略, 14th century), fragments of which were translated into Russian by A.V. Nikitin. It is reported that Thảo Đường was staying with his teacher in Champa (a state to the south of Đại Việt), but was captured during a military campaign by the Vietnamese monarch Lý Thánh Tông. Thảo Đường then ended up in one of the Vietnamese Buddhist monasteries as a servant, but thanks to his talents he made a court career and took the position of tutor to the sovereign. In addition, the Thảo Đường school is briefly mentioned in the medieval Buddhist work “Collection of the Best Flowers from the Gardens of Thien” (Thiền uyển tập anh 禪苑集英, 14th century).

¹ I express my gratitude to M. Yu. Ulyanov for assistance in preparing this talk.

Buddhist authors and researchers of the 20th century relied on these works and more detailed texts about Thảo Đường without specifying their names but only referring to “materials preserved in monasteries” (as the monk Thích Thanh Từ writes in the introduction to his work “Vietnamese monks of Thien Buddhism”, published in 1992).

Among Vietnamese researchers, one cannot fail to mention the French-speaking Buddhologist of the colonial era Trần Văn Giáp (1902–1973) and his work “Le bouddhisme en Annam, des origines au XIIIe siècle” (1932). According to him, Thảo Đường’s students were members of the Lý dynasty, and the school itself existed for only five generations of teachers – until 1205 (i.e. almost until the end of the Lý dynasty).

A great contribution to the study of the Thảo Đường school was made by Vietnamese monk-historians who published their works in the 1970s: Thích Mật Thể (“History of Buddhism in Vietnam”, 1970) and Thích Nhất Hạnh, who wrote under the pseudonym Nguyễn Lang (“History of Vietnamese Buddhism”, 1973). At the same time, the most complete presentation of the biography of Thảo Đường is contained in an even later work – the book of the above-mentioned monk Thích Thanh Từ.

3. Занд

(Исследовательский институт *Мирас-е мактуб*, Иран)

Достоверность «Шахнаме» как исторического источника в части, посвященной последним царям Сасанидов

Ключевые слова: Фирдоуси; историография; Сасаниды; Шахнаме; Ходай-наме; поздние Сасаниды

«Шахнаме», помимо своей литературной и мифологической значимости, является одним из важнейших источников по истории древнего Ирана, который, в частности, всесторонне описывает историю Сасанидов. Фирдоуси смог достоверно изложить в поэтической форме повествования об эпохе Сасанидов, содержащие множество исторических деталей. Некоторые исследователи настаивают на историчности «Шахнаме», в то время как другие считают «Шахнаме» произведением неисторическим. Повествование о правлении Шируйе до смерти Йездегерда III и изложение причин его краха, представленные в «Шахнаме», очень важны и отражены также в арабо-персидских источниках.

В данном исследовании сопоставлены и проанализированы исторические данные из этих документов, встречающиеся в «Шахнаме», а также выявлены сходства и различия между ними. В вышеупомянутой части «Шахнаме» Фирдоуси неизменно оставался верен своему источнику («Абумансуровское Шахнаме») и, несмотря на все ограничения по ритму, поэтическому языку и повествовательной структуре, он достоверно и точно передал исторические детали. Фирдоуси не изменил формы имен, названий мест в соответствии со стандартным языком своего времени, и, следовательно, они ближе к именам и названиям, представленным в «Ходай-наме». Он записал имена некоторых людей и даты,

которые другие проигнорировали или же записали неправильно. Кроме того, подход, представленный в «Ходай-наме», проник в «Шахнаме» через посредника и был далек от иранских взглядов, в том числе ориентированных на халифат. В «Шахнаме» также встречаются многие сведения из других источников, а некоторые материалы представлены только в «Шахнаме».

Это исследование может повысить значение «Шахнаме» как исторического источника для изучения эпохи Сасанидов, а также может быть полезным для других научных работ в этой области.

Zagros Zand

(Miras-e Maktoob Research Institute)

The credibility of the Shahnameh as a historical source in the part on the last Sassanid kings

Keywords: Ferdowsi; historiography; Sassanids; Shahnameh; Khoday-nameh; late Sassanids

Other than literary and mythical values, Shahnameh is one of the most important sources in the history of ancient Iran, which comprehensively narrates Sassanid history in particular. Ferdowsi, trustworthily, rhymed narrations of Sassanid era, which embodies most of the details of historical events. Some researchers insist on the historical aspect of Shahnameh, while others have considered Shahnameh as non-historical. The narration of Shiruya until Yazdgerd death and expressing the bases of collapse in Shahnameh are very important, and Arab-Persian sources have dealt with them.

In this study, historical data of these sources have been assessed and analyzed, using the historical narration of

Shahnameh, and their similarities and differences have also been revealed. In this part, Ferdowsi has constantly been loyal to his source (Abu-Mansouri's Shahnameh), and despite all the limitations in rhythm, poetic language, and narrative framework, he has versified the details trustworthy and precisely. He hasn't altered the forms of names, names of places, according to the standard language of his time, and hence the names are closer to Khoday-nameh. Ferdowsi has recorded some people and dates, which others have neglected, or have recorded incorrectly. Also, the attitude present in Khoday-nameh has entered Shahnameh through a mediator, and has refined it from non-Iranian and caliphate-centered lookouts. Many other sources of data are also present in Shahnameh, and some data have been reported only in Shahnameh.

This research can make the stand of Shahnameh more valid and prominent, and can be beneficial for other research in the field.

З. Б. Ибрагимова
(ИИАЭ ДФИЦ РАН)

**Проблема мухаджирства в дагестанской богословской
полемике конца XIX — начала XX вв.**

Ключевые слова: Дагестан; Турция; хиджра; полемика

Вопросы необходимости совершения хиджры или же отсутствия требуемых условий находили отражение в произведениях дагестанских ученых-богословов конца XIX –нач. XX в.

Суфийские шейхи Мухаммад-Хаджи (1835/36–1913) и Шарафадин ал-Кикунни (1876–1936), переселившиеся в Турцию в конце 80-гг. XIX в., выступали идеологами дагестанского мухаджирского движения. Они разделяли воззрения Абдурахмана-Хаджи ас-Сугури (1793–1882), изложенные в арабоязычном сочинении «Хазихи рисала шарифа ли-ш-шайх ал-фадил ал-хаджж Абд ар-Рахман ас-Сугури», посвященном условиям необходимости переселения мусульман на территорию, подвластную исламским законам.

В 1905 году в типолитографии г. Петровск было издано стихотворение на аварском языке, в котором Мухаммад-Хаджи ал-Кикунни призывал отправиться в места благоприятные для праведных мусульман.

К началу XX в. относится стихотворение Шарафадина ал-Кикунни на аварском языке «Письмо из Турции». Автор негодует о том, что «Дагестан осквернен», безбожник стал господином, а верующий опозорен, посещать суфийских наставников, чтобы «учиться истинному», запрещено.

Противоположной точки зрения придерживались их оппоненты, которые считали, что если верующие могут беспрепятственно совершать все религиозные обряды на территории своего проживания, то им не следует переселяться.

На страницах местной периодической печати начала XX в. издавались обращения местных богословов к дагестанцам с призывами не покидать родину.

В арабоязычном сочинении «Ал-Масабих ал-муслимийа ли ахли ал-ислям ал-джабалийа», написанном в 1905 г. Муслимом ал-Уради, приведены аргументы обеих сторон. Критически анализируя их, автор доказывает, что его землякам-единоверцам нет необходимости покидать Дагестан и что «мухаджирство» негативно отразится на будущем дагестанской мусульманской общины в целом.

Изучение различного рода источников, связанных с дагестанским переселенческим движением, является важным при исследовании истории взаимоотношений России и Турции во второй половине XIX – начале XX вв.

Zaira B. Ibragimova

(Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Daghestan, Federal Research Centre RAS)

**The problem of muhajirism
in Dagestani theological polemics
of the late 19th — early 20th centuries**

Keywords: Dagestan; Turkey; Hijra; polemic

The problem of the necessity to perform Hijra or the lack of required conditions were reflected in the works of Dagestani scholars and theologians from the end of the 19th –beginning. 20th centuries.

Sufi sheikhs Muhammad Haji (1835/36–1913) and Shara-faddin al-Kikuni (1876–1936), who migrated to Turkey in the late 1980s, are known as the ideologists of the Dagestan Muhajir movement. They shared the views of Abdurahman-Haji al-Suguri

(1793–1882), set forth in the Arab language work "Hazihi Risala Sharifa li-sh-shaikh al-fadil al-Hajj Abd ar-Rahman al-Suguri", devoted to the conditions of the need for the resettlement of Muslims to a territory subject to Islamic laws.

In 1905, a poem in Avar language was published in the Petrovsky typolithography, in which Muhammad-Haji al-Kikuni called for going to places beneficial for righteous Muslims.

Sharafaddin al-Kikuni's poem "A Letter from Turkey" in the Avar language dates back to the beginning of the 20th century. The author is indignant that "Dagestan has been desecrated," the atheist has become the master, and the believer has been disgraced. It is forbidden to visit Sufi mentors to "learn the true". The opposite point of view was held by their opponents, who thought that if believers can freely perform all religious rites in their territory of residence, then they should not relocate. On the pages of the local periodical press of the early 20th century, local theologians issued appeals to Dagestanians not to leave their homeland.

In Arabic-language essay "Al-Masabih al-Muslimiya li ahli al-islam al-jabaliya" written by Muslim al-Uradi in 1905 are presented the arguments of both sides. Critically analyzing them, the author proves that there is no need for his fellow countrymen to leave Dagestan and that "Muhajirism" will negatively affect the future of the Dagestani Muslim community as a whole.

The study of various sources related to the Dagestani resettlement movement is important in the study of the history of relations between Russia and Turkey in the second half of the 19th – early 20th centuries.

О. А. Казакевич
(ИЯз РАН; РГГУ)

История тайги и тундры в дневниках Г.Н. Прокофьева

Ключевые слова: полевой дневник; Г.Н. Прокофьев; автохтонное население; включенное наблюдение этнографа и лингвиста; история Севера 1920-х – начала 1930-х годов

В Архиве Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых (МАЭ РАН) хранятся фрагменты трех полевых дневников известного лингвиста и этнографа-североведа Г.Н. Прокофьева (1897–1942), разделенные интервалами менее чем в пять лет, но по сути представляющие три разные эпохи: 1921 г. (поездка на Нижнюю Обь к обским и ямальским ненцам, которые только начинают присматриваться к новой власти, но существенных изменений в их жизни еще не происходит), 1925-1926 гг. (первый год работы директором инородческой школы в Туруханском крае, родовые советы, еще связанные со старой социальной организацией инородцев, школа как место знакомства автохтонного населения с плодами цивилизации, а также с идеологией новой власти, появление местных активистов-демагогов), 1930 г. (путешествие с культбазы Хоседа-Хард к Югорскому шару: вокруг уже вовсю ведутся поиски кулаков, коллективизация добралась до северных окраин).

Фрагмент дневника 1930 г. охватывает период с 21 мая по 12 августа (примерно два с половиной месяца). Это самый эмоциональный из трех дневников. Если в дневниках 1921 и 1925-1926 гг. мы в основном находим описания событий, людей, их обычаев и нравов, сделанные пусть заинтересованным, но все же сторонним наблюдателем, то в дневнике 1930 г. явственно ощущается душевная боль за

судьбу людей тундры и отчаяние от тупости представителей власти и неадекватности их действий.

Прокофьев аргишит с местными оленеводами, встречает оленеводов по дороге. Тундра – это не пустое пространство, ее населяют ненцы, коми (ижемцы и колвинцы), русские, освоившие оленеводство, и жизнь этих людей постепенно становится главной темой дневника. К 1930 г. родовые советы уже заменены на туземные, и во главе этих советов нередко стоят люди, готовые выполнять любые директивы центра. Вот портрет одного из них: «Это один из представителей тупо-одержимых. К сожалению, их гораздо больше, нежели людей, умеющих мыслить самостоятельно. Толку от таких людей быть не может, а только вред. Но, по-видимому, эта категория тупо-одержимых ценится как надежная техническая сила, и их охотно используют на работе. Это люди “преданные”».

Дневники Прокофьева дают возможность увидеть в мельчайших подробностях жизнь отдаленных северных факторий и почувствовать, как решения, принимавшиеся в центре, отражались на этой жизни.

Olga A. Kazakevich

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities)

The history of taiga and tundra in the diaries of Georgiy N. Prokofiev

Keywords: field diary; Georgiy N. Prokofiev; autochthonous populations, participant observation of an ethnographer and linguist, history of the North in the 1920s – early 1930s

The Archive of G.N. and E.D. Prokofiev (MAE RAS) contains fragments of three field diaries of the famous linguist and

ethnographer G.N. Prokofiev. These fragments are separated by intervals of less than five years, but in fact represent three different epochs: 1921 (a trip to the Lower Ob to the Ob and Yamal Nenets, which were just beginning to take a closer look at the new authorities, but still no significant changes in their lives happened), 1925-1926 (the first year that he worked as a head master of school for aboriginal children in the Turukhansk region: tribal councils, which were still associated with the old social organization of aboriginals, the school as a place for the indigenous population to get acquainted with the modern civilization, as well as with the ideology of the new authorities, the emergence of local activists), 1930 (a journey from the Khoseda-Hard cultural base to the Yugorsky Shar: the search for kulaks is in full swing, collectivization had reached the northern outskirts).

The diary fragment of 1930 covers the period from May 21 to August 12 (approximately two and a half months). This is the most emotional of the three diaries. If in the diaries of 1921 and 1925-1926 we mostly find descriptions of events, people, their customs and morals, made by an interested, but still an outside observer, then in the diary of 1930 one clearly feels the mental pain for the fate of the people of the tundra and despair at the stupidity of the authorities and the inadequacy of their actions.

Prokofiev moves with local reindeer herders, meets reindeer herders on his way (the tundra is not an empty space, it is inhabited by Nenets, Komis (Izhma and Kolva), Russians who have mastered reindeer herding, and the life of these people is gradually becoming the main topic of the diary. By 1930, tribal councils had already been replaced by local councils, and these councils were often headed by people who were ready to comply with any directives from the center. Here is a portrait of one of them: "This is one of the representatives of the stupidly possessed. Unfortunately, they are more numerous than people who can think by themselves. There is no benefit from such

people, but only harm. But, apparently, this category of stupidly obsessed people is valued as a reliable technical force, and they are readily used. These are 'devoted' people".

Prokofiev's diaries provide an opportunity to see in detail the life of remote northern trading posts and to feel how the decisions made in the far-away center affected this life.

А. А. Кириллова

(независимый исследователь)

Комплексный анализ термина *sərinā* из Иона 1:5

Ключевые слова: Библия; семитские языки; древнееврейский язык; сравнительно-историческое языкознание

Объем Книги Пророка Ионы, входящей в части «Пророки» Ветхого Завета (ТаНаХа), крайне небольшой, однако этот текст представляется чрезвычайно насыщенным – как в части образности, так и в области языка. Здесь представлены два термина из семантического поля водных транспортных средств, а именно: *ʔōniyyā* и *sərinā*, хотя само поле, конечно, шире и включает в себя еще лексемы *ṣiyyūm*, *tebā*, *kālē-gomāʔ*. В рамках данного исследования мы проведем комплексный анализ термина *sərinā*, который будет включать текстологический, этимологический и культурный аспекты.

Лексема *sərinā* употребляется в составе конструкции *ʔāl-yarkəṭē hassəfīnā*, и нужно отметить, что это слово является *haraḥ legomenon*, то есть текстологический анализ на базе одного лишь ТаНаХа будет неполным. Термин *sərinā* в словаре Брауна-Драйвера-Бриггза интерпретируется как «судно, корабль с крытой палубой»; в словаре Келера и Баумгартнера это слово получает аналогичный перевод – «палубное судно». Исследователи возводят этимологию термина *sərinā* к корню <s-r-p> со значением «покрывать», однако и этот корень не получил широкого представления в ТаНахе – он засвидетельствован всего 7 раз.

В переводах Библии на европейские языки оба слова стиха 1:5 – и *ʔōniyyā*, и *sərinā* – переводятся аналогичным образом: в Вульгате это *navis* «корабль, судно», а в Септуагин-

те – πλοῖον – «плавсредство – корабль или судно в самом широком смысле».

Что касается семитских параллелей, то лексема *səfintā* / *səfinā* широко представлена в арамейских языках. Помимо этого, *səfinā* является основным термином для обозначения кораблей в арабском языке: в таком значении он засвидетельствован в Коране. Арабский термин заставляет обратить внимание также на внетекстовые данные, с ним связанные, к которым относится описание погребения знатного руса в ладье, оставленное побывавшим на Верхней Волге в 922 г. арабским путешественником Ибн Фадланом.

Anastasia A. Kirillova
(Independent researcher)

The multi-aspect analysis of the term *səpinā* in Jonah 1:5

Keywords: the Bible, Semitic languages, Ancient Hebrew, Comparative linguistics

The Book of Jonah, which makes an integral part of the Prophets in the Old Testament (TaNaKh), is quite small, however, the text turns out to be very rich with its extraordinary imaginary and the language peculiarities. Two words from the semantic field of boats/ships are used here, those are *ʔōniyyā* and *səpinā*, but it should be mentioned that the abovesaid semantic field is much broader and includes other words like *šiy-yīm*, *tebā*, *kālē-gomāʔ*. Within the framework of this paper we will seek to make the possibly full analysis of the word *səpinā*, i.e. its textual use, etymology of the term, and the cultural similarities.

The term *səpinā* is used in the expression *ʔāl-yarkəṭē has-səfinā*, and we should put a stress on the fact that this word is a hapax legomenon, i.e. we cannot provide the complete textual

analysis of this term basing on the Old Testament only. The word *səpinā* in ‘Hebrew and English Lexicon of the Old Testament’ F. Brown, S.R. Driver & C.A. Briggs is interpreted as ‘vessel, ship (covered in, overlaid, with sheathing, deck); in ‘The Hebrew & Aramaic Lexicon of the Old Testament’ by L. Koehler & W. Baumgartner the supposed translation is ‘ship (with a deck)’. The researchers believe that the term in question is etymologically connected with the root <s-p-n> which means ‘to cover’; however, this root is not so widely presented in the TaNaKh – it is only used 7 times in the text.

In the European translations of the Bible both the terms in Jonah 1:5 – *ʔōniyyā* as well as *səpinā* – are interpreted in the same way: in the Vulgate it is *navis* ‘a ship’, and in the Septuagint it is *πλοῖον* – ‘a floating vessel, hence a ship or vessel in the most general sense’.

As far as the Semitic parallels are concerned, the word *səfintā* / *səfinā* is widely presented in the Aramaic languages. Besides, a similar word is the main term for ships in the Arabic language having this very meaning in the Qur’an. The Arabic term draws our attention to the related extratextual information that is the description of the burial of a noble Viking provided by Ibn Fadlan, an Arab traveler who visited the Upper Volga region in 922.

Т. Г. Корнеева
(Институт философии РАН)

**«Идеальный исмаилит»: конструирование образа
на материале трактатов
Насира Хусрава и Насир ад-Дина Туси**

Ключевые слова: исмаилизм; илм; талим; имам времени; Насир Хусрав; Насир ад-Дин Туси

Насир Хусрав (1004 – после 1074) – выдающийся исмаилитский проповедник и первый мыслитель, который на постоянной основе использовал в качестве языка своих философских трактатов персидский язык, в то время как языком науки и философии в исламском мире был арабский. Язык его трактатов отличает новаторство и поиск персидских эквивалентов уже устоявшейся арабской терминологии. В основе его философской системы лежит концепт знания (*‘илм*) – и в постижении знания состоит миссия исмаилита в этой жизни. Само мироздание предстает перед нами как воплощенное знание, а человек наделен особой миссией – «собрать» это знание в Мировой Душе, чтобы завершить процесс сотворения мира.

Труды Насира Хусрава бережно хранились после его смерти и вошли в библиотеку правителей Аламутского государства исмаилитов-низаритов, которое образовалось после раскола общины в 1094 году на исмаилитов-низаритов и исмаилитов-мусталитов.

Насир ад-Дин Туси (1204–1274) – блестящий эрудит, математик, астроном и философ, оставивший после себя более сотни сочинений в различных областях знаний. Около 30 лет жизни он провел вместе с исмаилитами-низаритами: сначала в крепостях Кухистана, затем в Аламуте. За это время он создал ряд трактатов на персидском языке,

разъясняющих положения исмаилитского учения, а в духовной автобиографии «Сайр ва сулук» и вовсе прямо пишет, что сам обратился в исмаилизм. В основе рассуждений Насира ад-Дина лежит концепция познания (*та'лим*), разработанная Хасаном ас-Саббахом (ум. 1124), лидером первых исмаилитов-низаритов. Согласно этой концепции, основная задача исмаилита – быть верным своему учителю, т.е. исмаилитскому имаму времени. Другая концепция, оказавшая сильное влияние на исмаилитскую мысль, – учение о Воскрешении (*Куйама*), введенное в 1164 г. низаритским имамом Хасаном II ала зикри-хи ас-салам (ум. 1166).

В докладе на материале трактатов двух философов постараемся проследить, как трансформировался образ «идеального исмаилита» за 200 лет и почему.

Tatiana G. Korneeva
(Institute of Philosophy RAS)

“The Ideal Ismaili”: Constructing an Image Based on the Treatises of Nasir Khusraw and Nasir al-Din Tusi

Keywords: Ismailism; ilm; talim; imam of time; Nasir Khusraw; Nasir al-Din Tusi

Nasir Khusraw (1004 – after 1074) was an outstanding Ismaili preacher and the first thinker who constantly used Persian as the language of his philosophical treatises, while Arabic was the language of science and philosophy in the Islamic world. The language of his treatises is distinguished by innovation and the search for Persian equivalents of the already established Arabic terminology. His philosophical system is based on the concept of knowledge (*ilm*), and the Ismaili's mission in this life is to comprehend knowledge. The universe itself appears to us as embodied knowledge, and man is endowed with a special mission – to

"collect" this knowledge in the Universal Soul in order to complete the process of creation of the world.

Nasir Khusraw's works were carefully preserved after his death and entered the library of the rulers of the Alamut state of the Nizari Ismailis, which was formed after the split of the community into Nizari Ismailis and Mustalites in 1094.

Nasir al-Din Tusi (1204-1274) was a brilliant polymath, mathematician, astronomer and philosopher who left behind more than a hundred works in various fields of knowledge. He spent about 30 years of his life with the Nizari Ismailis: first in the fortresses of Kuhistan, then in Alamut. During this time, he created a number of treatises in Persian explaining the provisions of Ismaili teaching, and in his spiritual autobiography "Sayr wa Suluk", he explicitly writes that he himself converted to Ismailism. Nasir al-Din's reasoning is based on the concept of cognition (talim), developed by Hassan al-Sabbah (d. 1124), the leader of the first Nizari Ismailis. According to this concept, the main task of an Ismaili is to be faithful to his teacher, i.e., the Ismaili Imam of the Time. Another concept that had a strong influence on Ismaili thought is the doctrine of Resurrection (Qiyama), introduced in 1164 by the Nizari Imam Hassan II ala *zikri-hi al-salam* (d. 1166).

In the report, based on the treatises of the two philosophers, we will try to trace how the image of the "ideal Ismaili" has transformed over 200 years and why.

Л. Г. Лахути
(ИБ РАН)

Фарид ад-Дин 'Аттар о поэзии и пророчестве

Ключевые слова: Персидская поэзия; суфийские маснави; Фаид ад-Дин Аттар; поэзия и пророчество

Фарид ад-Дин 'Аттар, суфийский поэт XII – начала XIII в., известен прежде всего тремя новаторскими поэмами-маснави: *Мантик ат-Тайр* («Язык птиц»), *Илахи-наме* («Божественная книга») и *Мусибат-наме* («Книга страданий»). В них 'Аттар объединил форму обрамленного повествования, характерную для классической прозы, с содержанием суфийского трактата. Четвертая его поэма, *Асрар-наме* («Книга тайн»), имеет более традиционную композицию, хотя и отличается сложной структурой. Все они, кроме *Мантик ат-Тайр*, обладают еще одним уровнем обрамления — метатекстовыми вступлениями и эпилогами, посвященными сущности поэзии, в *Мантик ат-Тайр* это присутствует только в эпилоге.

В этих метатекстовых фрагментах 'Аттар подчеркивает высокое достоинство поэзии (*šī'r*) и поэтического слова (*suxan*) и превозносит совершенство собственных стихов. Он провозглашает себя «печатью поэтов», проводя параллель с концепцией Мухаммада как «печати пророков».

Вместе с тем 'Аттар отказывается от наименования его поэтом (*šā'ir*). Это противоречие объясняется использованием им термина *šī'r* в двух контекстных значениях: как поэзии «высокой», передающей божественные тайны, и как «низкой», светской поэзии, служащей земным целям.

До 'Аттара поэтическое творчество часто описывалось как ремесло, но требующее врожденного дара. 'Аттар же настаивает, что его стихи изливаются прямо из его сердца.

Он позиционирует себя не как поэт-ремесленник, а как *tard-i ḥāl*, что может быть понято и как «муж данного мгновения», и как «муж духовного озарения», чье творчество есть излияние любви (*‘išq*), переполняющей его сердце. При этом ‘Аттар проводит разграничение между словом поэта и словом пророка: если первое коренится в природном даре (*tabʿ*), то второе проистекает из сверхприродного откровения.

Leyli G. Lahuti

(Institute of Oriental Studies RAS)

Farid al-Din ‘Attar on Poetry and Prophecy

Keywords: Persian poetry; Sufi masnavi; Farid ad-Din Attar; poetry and prophecy

Farid al-Din ‘Attar, a Sufi poet of the 12th and early 13th centuries, is best known for three innovative *masnavi* (mathnawi) poems: *Mantiq al-Tayr* (“The Conference of the Birds”), *Ilahinameh* (“The Book of the Divine”), and *Musibat-name* (“The Book of Suffering”). In these works, ‘Attar combined the form of a framed narrative, characteristic of classical prose (such as in *Kalila and Dimna*), with the content of a Sufi treatise. His fourth poem, *Asrar-nameh* (“The Book of Secrets”), has a more traditional composition, though it also features a complex structure. The first three *masnavis* are built on a unified principle: they contain a frame story into which the characters’ speeches are embedded; these speeches transition into authorial commentary and are illustrated by embedded tales. All of them, except for the *Mantiq at-Tayr*, possess an additional framing layer—meta-textual prologues and epilogues devoted to the essence of poetry; in the *Mantiq at-Tayr*, this is present only in the epilogue.

In these meta-textual fragments, 'Attar emphasizes the high merit of poetry (*shi'r*) and the poetic word (*sukhan*), extolling the perfection of his own verses. He proclaims himself the "Seal of the Poets" (*khatam al-shu'ara*), drawing a parallel with the concept of Muhammad as the "Seal of the Prophets." According to this logic, just as prophecy concluded with the mission of Muhammad, poetry reaches its apex and culmination in the work of 'Attar. In doing so, the poet appeals not to the aesthetic merits of his verse, but to the fact that it reflects divine mysteries.

At the same time, 'Attar rejects being called a poet (*sha'ir*). This contradiction is explained by his use of the term *shi'r* in two senses: as "high" poetry, associated with divine revelation, and as "low," secular poetry serving worldly purposes.

Before 'Attar, poetic creation was often described as a craft (*san'a*) requiring innate talent. 'Attar, however, insists that his verses flow forth spontaneously, not as a result of craftsman's effort. He positions himself not as a poet-artisan who glorifies the past, but as a "man of the moment" (*mard-i ḥāl*), whose creativity is a consequence of divine inspiration and the contemplation of spiritual truths. Thus, 'Attar draws a distinction between the word of the poet and the word of the prophet: if the former is rooted in a natural gift (*tab'*), the latter stems from a supernatural revelation.

С. В. Лахути
(ИВ РАН)

**Темы и коммуникативные интенции
посланий в «Шах-наме»: отражение в базе данных**

«Шах-наме» Фирдоуси (X-XI вв.), «Книга царей», включает пятьдесят частей. Они определяются правлениями царей, начиная с первоцаря Кайумарса и заканчивая последним царем Ирана Йаздигардом III. Тридцать две из них содержат хотя бы одно послание, письменное или устное. И если объем всей поэмы составляет около 100 тыс. поэтических строк, то послания и фрагменты текста, описывающие коммуникативную ситуацию в целом, занимают около 15 тыс. строк, то есть приблизительно 15% всего текста. В общей сложности в тексте «Шах-наме» можно найти более 400 устных и письменных посланий.

Для любого рода работы с таким объемом материала — лингвистических, литературоведческих и других исследований — полезно не только выделить эти «эпистолярные фрагменты» из всего текста поэмы, но и описать их так, чтобы обеспечить максимально широкие возможности подбора материала, что сейчас и делается в процессе работы над созданием базы данных посланий из «Шах-наме». Одним из элементов такого описания является характеристика тем посланий.

Диапазон тем, которым оказываются посвящены послания, довольно широк, причем если некоторые из них могут повторяться десятки раз, другие встречаются только один-два раза на всю поэму. Это могут быть широкие темы, определяющие общий контекст, в котором осуществляется отправка или получение послания. Например, к таким относится наиболее частотная тема — «война», встречающаяся

более 150 раз, «угроза» (около 60 раз), встречающаяся, чаще всего, в сочетании с темой «война». При этом «соболезнования» на протяжении всей поэмы встречаются лишь дважды, невзирая на многочисленные смерти. Многие из этих тем перекликаются с рубрикацией исторических собраний писем и мотивами, характерными для других форм поэтических произведений. Кроме того, для повышения функциональности базы в число тем может оказаться полезным учитывать также специфику коммуникативной ситуации и интенций отправителя. Таким образом, в список тем в базе включаются дополнительно ситуативные «ключевые слова»: например, «согласие» или «отказ».

Sofia V. Lahuti

(Institute of Oriental Studies RAS)

Topics and communicative intentions of messages in the *Shahnameh*: representation in a database

Keywords: *Shahnameh*; Ferdowsi; epistolography; letters; database; message topics

Ferdowsi's *Shahnameh* (10th–11th centuries), the 'Book of Kings', consists of fifty parts. These are defined by the reigns of kings, beginning with the first king Kayūmars and ending with the last king of Iran Yazdigard III. Thirty-two of these parts contain at least one message, either written or oral. While the entire poem comprises approximately 100,000 poetic lines, messages and text fragments describing the communicative situation account for about 15,000 lines, or roughly 15% of the text. In total, the *Shahnameh* contains over 400 oral and written messages.

For any work with such a volume of material — be it linguistic analysis, literary studies, or other research — it is useful not only

to isolate these ‘epistolary fragments’ from the entire the poem but also to annotate them in a way that facilitates flexible querying and analysis. This goal is currently being addressed through the development of a database of messages drawn from the Shahnameh. One element of this annotation is the systematic classification of message topics.

The thematic range of the messages is extensive. Some topics recur dozens of times, while others appear only once or twice throughout the entire poem. Several topics represent broad contextual domains in which messages are sent or received. For example, the most frequent topic is ‘war’, appearing more than 150 times, followed by ‘threat’ (around 60 times), which generally occurs in combination with the topic ‘war’. Conversely, ‘commiserations’ appear only twice despite the many deaths described throughout the poem. Many of these topics correspond with the categorisation of letter anthologies and motifs common to other poetic genres. To enhance the database’s usability, it is useful to incorporate not only topic categories but also aspects related to the communicative context and the sender’s intentions. Thus, situational keywords such as ‘agreement’ and ‘refusal’ have been included.

З. А. Магомедова
(ИИАЭ ДФИЦ РАН)

**Печати дагестанских арабоязычных эпистолярных
источников XVIII – начала XX вв.:
семантика и художественное оформление**

Ключевые слова: Дагестан; письма; документы; арабоязычные эпистолярные источники; печати; исламская культура; эпиграфические памятники

Одним из важных источниковедческих элементов по изучению ряда вопросов социально-экономической и политической жизни дагестанского общества можно считать арабоязычные эпистолярные источники (письма). Целый ряд этих источников критически изучен. Однако, все еще остается немало памятников, не ставших предметом специального изучения. К ним относятся печати, которыми заверялись и скреплялись эти письма.

Следует отметить, что печати не вызывали особого интереса у исследователей, вероятно, из-за того, что считались не столь информативными по сравнению с источниками, которые ими заверялись. Вместе с тем, тщательное изучение, анализ оттисков печатей и введение их в научный оборот дадут возможность исследователям не только датировать недатированные документы, но и возможность атрибуции некоторых топонимов и имен адресантов и адресатов дагестанских эпистолярных источников и документов XVIII – начала XX вв.

Дагестанские арабографические печати представляют собой особый вид эпиграфических памятников, характеризующихся использованием арабского алфавита для нанесения текста и орнаментальных элементов.

Оттиски печатей указанных эпистолярных источников довольно разнообразны по своему оформлению и представляют собой сложные орнаментальные и текстовые композиции, выполненные с высокой степенью мастерства.

Со второй половины XIX – начала XX в. письма скрепляются гербовыми печатями с элементами имперской символики. В основном такие оттиски встречаются на судебных документах и письмах начальников округов.

Что касается почерков легенд оттисков печатей, то встречаются почерки насх, талик и насталик.

Арабографические дагестанские печати – это артефакты, которые являются важным источником информации о социально-экономической и политической жизни региона в XVIII – начале XX в., а также о его религиозных и культурных традициях. Их всестороннее изучение позволит глубже понять культурное наследие региона и его место в контексте мировой цивилизации.

Zeinab A. Magomedova

(Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan, Federal Research Centre RAS)

**Seals of Dagestan Arab language epistolary sources
of the 18th to early 20th centuries:
semantics and artistic design**

Keywords: Dagestan; letters; documents; Arabic language epistolary sources; seals; Islamic culture; epigraphic monuments

Arab language epistolary sources (letters) can be considered one of the important source-study elements for studying a number of issues related to the socio-economic and political life of Dagestani society. A number of these sources have been critically

studied. However, there are still many monuments that have not been the subject of special research. These include the seals that were used to authenticate and secure these letters.

It should be noted that seals were not of particular interest to researchers, probably because they were considered less informative than the sources they were used to authenticate. At the same time, a thorough study and analysis of the seal impressions and their introduction into scientific circulation will allow researchers not only to date undated documents, but also to attribute certain toponyms and names of addressees and recipients of Dagestani epistolary sources and documents of the 18th early 20th centuries.

Dagestani Arab graphic seals are a special type of epigraphic monuments characterized by the use of the Arabic alphabet for inscribing text and ornamental elements.

Since the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century, letters have been sealed with official seals with elements of imperial symbolism. These seals are mostly found on court documents and letters from district governors.

As for the handwriting of the legends on the seals, there are Naskh, Talik, and Nastalik handwriting styles. The Dagestani Arab graphic seals are artifacts that provide valuable insights into the socio-economic and political landscape of the region during the 18th to early 20th centuries, as well as its religious and cultural traditions. A comprehensive study of these seals can help us gain a deeper understanding of the region's cultural heritage and its place in the broader context of global civilization.

Ф. Машхадирафи

(Исследовательский институт Мирас-е мактуб)

**Образ Александра Македонского
как пророка-благодетеля
(на примере «Искандернаме (часть “Хата”»)»
Манучехр-хана Хакима)**

Ключевые слова: Искандернаме; Александр; Зуль-Карнайн; Аристотель

Александр Македонский является одной из исторических фигур, образ которых нашел особое отражение в иранской культуре и литературе. Но нельзя оставить без внимания тот факт, что образ Александра, представленный в персидских произведениях, колебался «от годжастика [= проклятого] до святого или пророка (или, по крайней мере, предвестника прихода пророка Мухаммада и воина на пути единобожия)»¹. Соответственно, Александр стал в общественном сознании иранцев фигурой, выходящей за рамки обычного человека.

История жизни и войн Александра Македонского неоднократно становилась темой персидских произведений как поэтических, так и прозаических, под общим названием «Искандернаме». Последнее прозаическое «Искандернаме» было написано в эпоху Сефевидов и приписывается Манучехру-хану Хакиму. Это произведение, называемое «Искандернаме Наккали» (1001 г.), является одним из самых известных произведений иранского фольклора.

¹ Зекавати Карагузлу Алиреза. Искандераннаме наккали и его место в народных сказках / *Айен-е Мирас* (Зеркало наследия), № 22. 2003. С. 174.

Отличительной чертой «Искандернаме Наккали» является проявление религиозной мотивации в действиях персонажей рассказа, особенно главного героя, Александра, и в связи с этим «Искандернаме Наккали» приобрело религиозную окраску. Здесь Александру дается пророческий образ, и он считается тем самым Зуль-Карнайном, упомянутым в Коране, который жил после Христа и до Мухаммада. Александр со своими войсками путешествует из одной страны в другую. По дороге с ним происходят многочисленные приключения, зачастую приводящие к битвам. В данном произведении одной из значимых целей его путешествия называется распространение религии ислама и преодоление угнетения и тирании.

Fereshteh Mashhadirafi

(Miras-e Maktoob Research Institute, Iran)

**The image of Alexander the Great as a prophet-benefactor
(case study: the "Iskandar namah (the part of Khata)"
by Manuchihr Khan Hakim)**

Keywords: Iskandar namah; Alexander; Zul-Qarnain; Aristotle

Alexander the Great is one of the historical figures whose image has been particularly reflected in Iranian culture and literature. However, it is important to note that the portrayal of Alexander in Persian works has ranged from "gojastak [= cursed] to saint or prophet (or at least a forerunner of the arrival of the Prophet Muhammad and a warrior on the path of monotheism)."¹ Consequently, Alexander has become a figure in the

¹ Zekavati Karaguzlu Alireza (2003), Iskanderanname nakkali and his place in folk tales // *Ayene-ye Miras* (Mirror of Heritage), No. 22, p. 174.

Iranian public consciousness that transcends the boundaries of an ordinary human being.

The life and wars of Alexander the Great have been the subject of numerous Persian works, both poetic and prose, collectively known as "The Iskandar namah". The most recent prose Iskandar namah was written during the Safavid era and is attributed to Manuchihr Khan Hakim. This work, known as "The Iskandar namah Nakkali" (1001), is one of the most famous pieces of Iranian folklore.

A distinctive feature of "The Iskandar namah Nakkali" is the manifestation of religious motivation in the actions of the characters in the story, especially the main character, Alexander, and as a result, "The Iskandar namah Nakkali" has acquired a religious connotation. Here, Alexander is given a prophetic image and is considered to be the same Zul-Qarnain mentioned in the Quran, who lived after Christ and before Muhammad. Alexander and his troops travel from one country to another. Along the way, he has numerous adventures, often leading to battles. In this work, it is believed that one of the significant goals of his journey is to spread the religion of Islam and overcome oppression and tyranny.

Д. В. Микульский
(ИБ РАН)

Современное арабское издание эротического трактата Бустан ар-рагибин... (рубеж XIX–XX вв.)

Ключевые слова: арабское источниковедение; арабская литература; арабские эротические трактаты; издание памятников восточной словесности; Л. Салиба

Автор этих строк полагает, что одной из важных проблем нынешнего восточного источниковедения является проблема того, каким образом современные восточные издатели и исследователи родной письменности издают и представляют читателю-соотечественнику (а также и, соответственно, нам, востоковедам) памятники родной словесности.

Интересный образец подобного рода публикации представляет собой эротический трактат Бустан ар-рагибин ... («Сад желающих...»). Трактат издан в Париже в 2005 г. ливанским специалистом в сфере сравнительного религиоведения Лувисом (Луисом) Салибой. Судя по имени и фамилии, этот человек принадлежит к семейству, традиционно исповедующему христианство. Несмотря на это обстоятельство, исследователь принял сугубо, так сказать, мусульманскую точку зрения касательно корней арабских эротических трактатов – они, как он подчеркивает, восходят к фундаментальным принципам мусульманской религии, более гибкой и снисходительной к природе человека, нежели христианство. Говоря о проделанной им исследовательско-издательской работе над текстом памятника, сохранившегося в уникальной рукописи начала XX в., издатель рассказывает о том, как он, внеся некоторые коррективы, сделал памятник приемлемым для восприятия

современным читателем. Сам же текст Л. Салиба рассматривает с позиций языкового пуризма, отмечая многочисленные отклонения от современных норм правописания и египетские диалектизмы.

Несмотря на наивность такого подхода, нам, арабистам, следует быть благодарным издателю за то, что он опубликовал столь интересное сочинение, содержащее весьма широкий этнографический (а не только сугубо эротический) материал.

Dmitri V. Mikulski

(Institute of Oriental Studies RAS)

**The contemporary Arabic edition
of the erotic treatise *Bustan al-raghibin...*
(late 19th to early 20th centuries)**

Keywords: Arabic source study; Arabic literature; Arabic erotic treatises; edition of Oriental literary texts; L. Saliba

The author of these lines believes that one of the key issues in contemporary Eastern source studies is the way in which contemporary Eastern publishers and scholars of native literature publish and present native literary works to their compatriots (and, by extension, to us, Orientalists).

An interesting example of this type of publication is the erotic treatise *Bustan ar-raghibin...* ("The Garden of the Desiring..."). The treatise was published in Paris in 2005 by the Lebanese specialist in comparative religion, Louvis (Louis) Saliba. Judging by his first and last name, this man belongs to a family traditionally professing Christianity. Despite this, the researcher has adopted a purely Muslim perspective regarding the roots of Arabic erotic treatises—they, he emphasizes, stem

from the fundamental principles of the Muslim religion, which is more flexible and lenient toward human nature than Christianity. Speaking about his research and publishing work on the text of the monument, preserved in a unique manuscript from the early 20th century, the publisher explains how, by making some adjustments, he made the monument acceptable to modern readers. L. Saliba examines the text itself from the standpoint of linguistic purism, noting numerous deviations from modern spelling norms and Egyptian dialectalisms.

Despite the naivety of this approach, we Arabists should be grateful to the publisher for publishing such a fascinating work, containing a wide range of ethnographic (and not just purely erotic) material.

Д. Е. Мишин
(ИБ РАН)

**Арабские пословицы, поговорки
и крылатые выражения
для персидскоязычного читателя:
трактат «Яхонты познаний и блестящие звезды»**

Ключевые слова: Арабы; персы; Лахмиды; крылатые выражения

Запись и объяснение пословиц, поговорок и крылатых выражений (ар. *amthāl*) – интереснейший жанр арабской литературы Средневековья, произведения которого ценны как для литературоведов и культурологов, так и для историков. Многие изречения, сохранившиеся в литературе, принадлежащей к этому жанру, восходят еще к доисламским временам и отражают их реалии. Первый дошедший до нас трактат, который относится к ней, восходит к VIII в. и принадлежит перу ал-Муфаддала (ум. в 784/85 г.). Изложение в таких трактатах обычно строится по принципу справочника: указывается изречение, после которого следует комментарий (кому оно принадлежит, при каких обстоятельствах было высказано и т.д.). Если учесть специфику темы, было бы логично ожидать, что произведения жанра *amthāl* были интересны арабоязычной читающей публике. Тем более замечательно то, как эти изречения представлены в неарабской литературе. В этом отношении большой интерес представляет раздел об арабских изречениях в написанной на персидском языке неизвестным автором из Казвина во второй половине XII в. краткой энциклопедии «Яхонты познаний и блестящие звезды» (*Yawākit al-‘ulūm wa darārī al-nudjūm*). Объясняя необходимость знания этих изречений, автор в предисловии к данному

разделу указывает, что оно несет пользу для мудрецов, так как представляет собой образное, доступное для восприятия выражение высоких материй. Арабские изречения, по мнению составителя трактата, особо ценны, так как у них есть реальная основа (очевидно, события, в связи с которыми они появились), и их можно использовать в сходных случаях; они бывают более красноречивы и убедительны, чем прямые слова. Можно сказать, что арабские изречения и их правильное толкование стали составной частью духовного мира средневековых мусульманских ученых и мыслящих людей, в том числе и принадлежавших к неарабской языковой среде.

Dmitriy Y. Mishin

(Institute of Oriental Studies RAS)

**Arabic Proverbial Sayings
for a Persian-Speaking Reader: the treatise of
‘The Rubies of Knowledge and the Brilliant Stars’.**

Keywords: Arabs; Persians; Lakhmids; sayings

The recording and explanation of proverbial sayings (Arabic *amthāl*) is a very interesting genre of mediaeval Arabic literature, the works of which are valuable both for literary scholars and cultural experts, as well as for historians. Many sayings preserved in the literature belonging to that genre come from pre-Islamic times and reflect their realities. The first extant treatise on the *amthāl* comes from the 8th century and belongs to al-Mufaḍḍal (d. 784/85). The presentation in such treatises is usually made as in a reference book: the saying comes first, followed by a commentary (who it belongs to, under what circumstances it was said, etc.). Given the specificity of the topic, it would be natural to expect that works of the *amthāl* literature would have been of interest to the Arabic-speaking reading

public. It is all the more remarkable how those sayings are presented in non-Arabic literature. In this regard, the section on Arabic sayings in the short encyclopedia *Yawākīt al-ʿulūm wa darārī al-nudjūm* ('The Rubies of Knowledge and the Brilliant Stars'), written in Persian by an unknown author from Qazvin in the second half of the 12th century, is of great interest. Explaining the need to know those sayings, the author in the preface to the said section points out that they are useful for sages, since they represent a figurative, accessible expression of lofty matters. Arabic sayings, in the author's opinion, are especially valuable, since they have a real basis (he seems to refer to the events in connection with which they appeared), and they can be used in similar cases; they are more eloquent and convincing than direct words. It may be held that Arabic sayings and their correct interpretation became an integral part of the spiritual world of medieval Muslim scholars and thinkers, including those belonging to a non-Arabic linguistic environment.

Е. Л. Никитенко
(НИУ ВШЭ)

Иранская история любви в переписке и в переводе

Ключевые слова: современная иранская литература; интертекстуальность; культурный трансфер

Шахрияр Манданипур (род. 1957, Шираз) принадлежит к числу известнейших современных иранских прозаиков. Его можно отнести к писателям-нонконформистам, противопоставляющим себя авторам идеологизированных произведений, одобряемых государством.

В 1999 г. он опубликовал рассказ «К востоку от фиалки» – историю любви юноши и девушки из Шираза, рассказанную призраком Хафиза и частично разворачивающуюся у гробницы поэта. Эта чистая любовь зарождается в переписке – в годы, когда романтические отношения преследуются семьями и обществом, героям приходится прибегать к уловкам, оставляя друг другу послания в библиотечных книгах. Текст насыщен скрытыми цитатами и отсылками к произведениям иранской и мировой культуры, а само описание развития любовного чувства в переписке героев находит параллель в диалогических поэмах типа «десять писем», особенно популярных в персидской литературе как раз в эпоху Хафиза – XIV в. – в его родном Ширазе.

В 2009 г., уже после переезда в США, Ш. Манданипур издал роман «Подвергая цензуре иранскую историю любви», сразу в переводе на английский, выполненном Сарой Халили. Роман написан от лица писателя, альтер эго автора, который работает над повестью о любви (ее текст выделен полужирным), при этом принимая в расчет требования цензуры и разъясняя иностранному читателю механизм ее действия. Заодно он знакомит аудиторию с различными

сторонами иранской жизни и культуры. Роман также наполнен культурными отсылками.

Эпизод зарождения чувства между влюбленными из романа 2009 г. сюжетно воспроизводит начало рассказа 1999 г.: герои через книги обмениваются тайными посланиями, набор и содержание которых несколько отличаются от первоначального.

В своем докладе я сравню эпизоды обмена любовными посланиями и встречающиеся в них культурные отсылки в рассказе Ш. Манданипура, рассчитанном на иранскую аудиторию, и его романе, написанном для англоязычного читателя, намного более прямолинейном и политизированном.

Evgeniya L. Nikitenko
(HSE University)

The Iranian Love Story in Correspondence and Translation

Keywords: contemporary Iranian literature; intertextuality; cultural transfer

Shahriar Mandanipour (b. 1957, Shiraz) is one of the most prominent contemporary Iranian writers. His works belong to the canon recognised by the independent field that is juxtaposed to the government-approved authors of ideologically imbued works.

In 1999, he published “East of Violet”, a short story featuring a young pair of lovers. The story is narrated by the ghost of Hafez and partially set at the poet’s tomb. The pure love between the protagonists develops through a secretive relationship involving the exchange of coded messages in library books, as romantic relationships are strictly persecuted by both by

families and the society. The text is rich with hidden quotations and allusions to works of Iranian and world culture. A love story unfolding through exchange of letters parallels dialogic poems of the “ten letters” type, especially popular in Persian literature in the times of Hafez—the 14th century—in his native Shiraz.

In 2009, after Mandanipour’s relocation to the USA, his novel “Censoring an Iranian Love Story” was published in English translation by Sara Khalili. The novel is narrated by a writer, the author’s alter ego, who is working on a love story while considering censorship requirements and explaining the Iranian censorship mechanism to the foreign reader. Meanwhile, the novel introduces its audience to various aspects of Iranian life and culture. It is also rich in cultural references.

The first phase of the relationship between the protagonists in the 2009 novel narratively reproduces the beginning of the 1999 story: the characters exchange secret messages in books, with the books selection and the content of the messages somewhat differing from the original.

In my presentation, I will compare the episodes of exchanging love messages and the cultural references found in Mandanipour’s story, intended for an Iranian audience, with those in his novel, written for an English-speaking readership and notably more straightforward and politicized.

Н. Нуров

(ХГУ им. ак. Бободжона Гафурова, Таджикистан)

**Первое издание Дивана Хафиза
на основе рукописей Мавераннахра**

Ключевые слова: Диван Хафиза; рукописи; текстология; коди-
кология; источниковедение; критическое издание поэзии
Хафиза; Мавераннахр

Почтение и уважение народов Мавераннахра, особенно таджиков, к поэзии и личности Хафиза, восходит еще к его эпохе и продолжается на протяжении почти семи столетий. Хотя и в рукописных фондах, и в частных собраниях просвещенных жителей Мавераннахра сохранились многочисленные списки «Дивана Хафиза», при подготовке академических изданий они до недавнего времени использовались крайне редко. В этом контексте инициатива профессора Масъуда Миршахи по подготовке критического издания «Дивана Хафиза» на основе ряда рукописей, происходящих из Варзаруда, представляется важным и заслуживающим высокой оценки шагом.

Новое издание «Дивана Хафиза» имеет ряд важных особенностей. Прежде всего, впервые в истории публикаций произведений Хафиза собрание его стихов подготовлено на основе рукописей Мавераннахра, которые ранее не вводились в научный оборот. Эти рукописи сохранились не в государственных фондах, а в частных собраниях любителей поэзии и передавались из поколения в поколение. Во-вторых, в процессе издания строго соблюдены принципы текстологической работы с памятниками литературы. Иными словами, это те рукописи, которые создавались для нужд мафилов «хафизхони», преподавания «Дивана» в

медресе и в особенности для музыкальных собраний, прежде всего «шашмаком-сароев».

В настоящем докладе предпринята попытка рассмотреть научную и культурную ценность данного издания, проанализировать текст рукописей и сопоставить их с древнейшими списками, выявив важные текстологические особенности поэзии великого персидского поэта. В ходе исследования и подготовки доклада были использованы десять рукописей Дивана Хафиза для сравнительного анализа. В ходе сравнительного исследования рукописей была использована древнейшая представленная рукопись «Дивана» Хафиза, переписанная в 801 году хиджры (соответствует 1399 году н.э.), то есть через девять лет после кончины Хафиза. Рукопись хранится в Турции, в библиотеке Нурусманийе, под номером 5194.

Nurali Nurov

(Khujand State University
named after Academician Bobojon Gafurov, Tajikistan)

**First edition of the Divan of Hafiz
based on the manuscripts of Maverannahr**

Keywords: Divan of Hafiz, manuscripts, textual criticism, codicology, source studies, critical edition of Hafiz's poetry, Maverannahr

The reverence and respect of the peoples of Maverannahr, particularly the Tajiks, for the poetry and personality of Hafez dates back to his time and has continued for nearly seven centuries. Although numerous copies of the "Divan of Hafez" have been preserved in manuscript collections and private collections of educated residents of Maverannahr, they have until recently been rarely used in the preparation of academic editions.

In this context, Professor Masud Mirshahi's initiative to prepare a critical edition of the "Divan of Hafez" based on a number of manuscripts originating from Varzarud is an important and commendable step.

The new edition of the "Divan of Hafez" has a number of significant features. First of all, for the first time in the history of Hafez's publications, a collection of his poems has been prepared based on manuscripts from Maverannahr that had not previously been published in scholarly circulation. These manuscripts were preserved not in state collections, but in the private collections of poetry lovers and were passed down from generation to generation. Secondly, the publication process strictly adhered to the principles of textual analysis of literary monuments. In other words, these are the manuscripts that were created for the needs of the Hafizkhani mafils, for the teaching of the Divan in madrassas, and especially for musical gatherings, primarily the Shashmaqom-saroi.

This article attempts to examine the scholarly and cultural value of this edition, analyze the text of the manuscripts, and compare them with the oldest copies, revealing important textual features of the poetry of the great Persian poet. During the research and writing of this article, 10 manuscripts of the Divan of Hafez were used for comparative analysis. For this comparative study, the oldest manuscript of the Divan of Hafez, rewritten in 801 AH (corresponding to 1399 CE), nine years after Hafez's death, was used. The manuscript is kept in Turkey, in the Nurusmaniye library, under number 5194.

М. Н. Османова
(ИИАЭ ДФИЦ РАН)

А. М. Нурмагомедов
(ИИАЭ ДФИЦ РАН)

**Арабографические старопечатные книги
из коллекции дагестанского востоковеда
М.Г. Нурмагомедова (1909–1997)**

Ключевые слова: археографическая работа; памятники письменной культуры; книжные коллекции; арабографическая письменность; рукописные и старопечатные книги; литографское и наборное книгопечатание

Отличительной особенностью Дагестана, во многом предопределившей направление развития восточного источниковедения, является исключительное богатство рукописных библиотек, в том числе мечетских и частных книжных коллекций.

Одна из интереснейших библиотек региона принадлежала дагестанскому востоковеду-арабисту Магомеду Гаджиевичу Нурмагомедову (1909–1997), потомку известного во всем мусульманском мире ученого и религиозного деятеля первой половины XIX в. Саида ал-Харакани (1763–1834), учителю имама Шамиля. В наши дни ее владельцем и хранителем является сотрудник отдела востоковедения Института ИАЭ ДФИЦ РАН Абдулгамид Нурмагомедов.

В коллекции сосредоточено значительное количество уникальных рукописей и старопечатных книг восточных и дагестанских авторов (более 1000 единиц), в ней также хранятся ценные арабоязычные письма и документы, связанные с политическими и военными событиями, экономическими и торговыми взаимоотношениями народов Кавказа,

Поволжья и Ближнего Востока. В настоящее время изучение коллекции только начинается, но уже есть возможность поделиться некоторыми результатами исследования памятников письменной культуры.

Среди арабоязычных литографированных книг – широко известное в мусульманском мире сочинение по грамматике «Шарх ал-Унмузадж» ал-Ардабили, изданное в Симферополе в 1903 г. дагестанским первопечатником М. Мавраевым (1878–1964); комментарий на суфийскую касыду «Шарх силк ал-айн» ал-Хамави ал-Хайсами, изданное в типографии А.М. Михайлова в Порт-Петровске в 1905 г. Книги хорошо сохранились, обе в кожаных переплетах с клапаном.

Интерес представляет двуязычное наборное издание на арабском и татарском языке – «Ми'ат мунтахабат» (толкование ста хадисов в кратком изложении), изданное в 1910 г. в Казани, в типографии Братьев Каримовых.

Как и во многих частных коллекциях Дагестана, здесь широко представлены египетские наборные издания, в числе которых – сочинение по логике «Хашийа 'ала матн ас-суллам фи-л-мантик» Ибрахима ал-Баджури, изданное в 1298 г.х. (1881 г.) в типографии «ал-Майманийа аш-Шаркийа».

Коллекция старопечатных книг М.Г. Нурмагомедова дает представление об уровне и масштабе культурного общения народов Кавказа, Поволжья и Ближнего Востока.

Milena N. Osmanova

(Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Daghestan, Federal Research Centre RAS)

Abdulgamid M. Nurmagomedov

(Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Daghestan, Federal Research Centre RAS)

**The Arab graphic old-printed books
from the collection of Dagestani orientalist
M.G. Nurmagomedov (1909–1997)**

Keywords: archaeographic work; monuments of written culture; book collections; Arabic script; handwritten and old printed books; lithographic and typesetting printing

A distinguishing feature of Dagestan, which largely determined the direction of Oriental source studies, was and remains the exceptional wealth of manuscript libraries, especially mosque and private book collections.

One of the most interesting libraries in the region belonged to the Dagestani orientalist Magomed Gadzhievich Nurmagomedov (1909–1997), a descendant of the famous scholar and religious figure of the first half of the 19th century, well-known throughout the Muslim world, Said al-Harakani (1763–1834), the teacher of Imam Shamil. Currently, its owner and keeper is Abdulgamid Nurmagomedov, a researcher of the Department of Oriental Studies at the Institute of HAE of the Russian Academy of Sciences.

The collection contains a significant number of unique manuscripts and old printed books by Oriental and Dagestani authors (more than 1000 units); it also contains valuable Arabic language letters and documents related to political and military events, economic and trade relations between the peoples of the

Caucasus, the Volga region and the Middle East. Nowadays, the study of this collection is just beginning, but there is already an opportunity to share some of results of study of these monuments of written culture.

Among the Arabic language lithographic books is widely known in the Muslim world the Grammar essay "Sharkh al-Unmuzaj" of al-Ardabili, published in Simferopol in 1903 by the Dagestani printing pioneer M. Mavraev (1878–1964); commentary on the Sufi qasida "Sharkh Silk al-ain" al-Hamawi al-Haysami, published in the Printing house of A.M. Mikhailov in Port-Petrovsk in 1905. The books are well-preserved, both in leather bindings with a flap.

Of interest is a bilingual printed edition in Arabic and Tatar – "Mi'at muntahabat" (one hundred hadiths in summary), published in 1910 in Kazan, in the Printing house of Karimov Brothers.

As in many private book collections in Dagestan, Egyptian typesetting editions are widely represented here, including the work on logic "Hashiya 'ala matn as-sullam fi-l-mantik" by Ibrahim al-Bajuri, published in 1298 by Hijra (1881) in the Printing house "al-Maymaniya ash-Sharqiya".

The M.G. Nurmagomedov's collection of old printed books gives an understanding of the level and scale of cultural communication between the peoples of the Caucasus, the Volga region and the Middle East.

Н. И. Пригарина
(ИБ РАН)

**Вопросы герменевтики
исмаилитской поэзии Насира Хусрава**

Ключевые слова: исмаилизм; суфизм; «Раушана'и-нама»; трактаты

Большой персидский поэт Насир Хусрав Кубадийани (1004–1077) исповедовал исмаилизм, одно из самых преследуемых ортодоксальным исламом направлений исламской религиозной мысли. Несмотря на то, что поэзия Насира Хусрава жива и на слуху вот уже более 1000 лет, по словам Леонарда Льюисона, «он, без сомнения, остается одним из самых сложных для понимания персидских поэтов, его стихи часто кажутся лабиринтом загадок, продуктом темных религиозных, космологических, теологических, психологических и философских теорий и аллюзий, которые пронизывают его исмаилитскую метафизическую систему». Тема настоящего доклада – опыт прочтения и комментирования поэмы (*маснави*) Насира Хусрава «Книга просветления» (*Равшана'и-нама*). Время написания поэмы датируется самим автором как 1-е число месяца *шавваль* 460 г.х., что соответствует 8 августа 1068 г. Исследователи сходятся на том, что *маснави* резюмирует и популяризирует философские взгляды Насира Хусрава, изложенные в трактатах «Припасы путников», «Лик веры» и «Соединение двух мудростей».

Маснави относится к учительным текстам дидактического направления, уходящим корнями в литературы на языках Авесты и среднеперсидском. Его этику некоторые ученые приравнивают к проповеди суфизма. Соотношение суфизма как эзотерического течения ислама и исмаилизма как закрытой религиозной системы является предметом

дискуссии, а подмена одного другим может оказаться источником ошибочного понимания текста изучаемой поэмы. Насир оказался первым автором дидактического маснави в персидской литературе, а заключенные в его тексте максимы, ставшие общим местом в последующие века, в его маснави высказаны в поэтической форме впервые, однако при комментировании существует опасность нарушить синхронию, обратившись для иллюстрации к более поздним текстам.

Для подтверждения спорных мест или трудно понимаемых пассажей, мы не обращаемся за разъяснением и подтверждением к касыдам, имеющимся в «Диване», а пытаемся вывести понимание «темных теорий и аллюзий» из доступных источников – оригиналов и переводов названных трактатов и текстов, приписываемых Насиру Хусраву, к которым «привязана» поэма.

Natalia I. Prigarina

(Institute of Oriental Studies RAS)

Decoding Nasir Khusraw's Ismaili Verse: Core Hermeneutical Issues

Keywords: Ismailism; Sufism; Raušan'a-i-Nama; treatises

The great Persian poet Nasir Khusraw Qubadiyani (1004-1077) adhered to Ismailism, a branch Islamic religious thought most persecuted by orthodox Islam.

Although Nasir Khusraw's poetry has remained vibrant and widely known for over a thousand years "he remains without doubt one of the most difficult poets to understand in Persian, his verse often seeming a maze of riddles and enigmas, the product of obscure religious, cosmological, theological, psychological and

philosophical theories and allusions that pervade his Isma'ili metaphysical system" according to Leonard Lewisohn.

This presentation explores the reading and commenting on Nasir Khusraw's poem (masnavi) "The Book of Enlightenment" (Rawšana'i-nama). The poem was dated by the author himself as 1 Shavval 460 AH, which corresponds to August 8, 1068 CE. Researchers agree that the masnavi summarizes and popularizes Nasir Khusraw's philosophical views as presented in his treatises "The Provisions of the Wayfarers" and "The Face of Faith" and "The Meeting of Two Wisdoms".

Masnavi belongs to the didactic tradition of instructional texts that originate from the literature in Avestan and Middle Persian languages. Some scholars consider its ethics to be similar to the teachings of Sufism. The relationship between Sufism—as an esoteric branch of Islam—and Ismailism—as a closed religious system—is a subject of ongoing debate, and the substitution of one for the other may lead to a misinterpretation of the poem's text.

Nasir was the first author of a didactic masnavi in Persian literature, and the maxims contained in his text—later widely adopted over the centuries—were expressed in poetic form for the first time in his masnavi. However, when commenting on his work, there is a risk of disrupting its historical synchronicity by referring to later texts for illustration.

To clarify contentious points or difficult passages, we do not turn to the qasidas found in the Divan for explanation or confirmation. Instead, we seek to interpret the "obscure theories and allusions" using available sources—originals and translations of the aforementioned treatises and texts attributed to Nasir Khusraw, to which the poem is closely linked.

А. Д. Притула
(Государственный Эрмитаж; НИУ ВШЭ)

А. И. Белозерцева
(НИУ ВШЭ)

Поэма Исайи из Бет-Свирина о нашествии Тамерлана

Ключевые слова: Исайя из Бет-Свирина; Сирийская православная церковь; поэзия о катастрофах; западно-сирийская традиция; вторжение Тамерлана

Традиционно ученые считают период XIV–XV веков временем упадка сирийской литературы и культуры из-за нашествия Тамерлана (ум. 1407), приведшего к уничтожению коллекций рукописей. Две поэмы священника и учителя Исайи (ум. 1424/5) из монастыря Бет-Свирина о разрушениях, причиненных Тамерланом в Тур-Абдине в 1393/4 годах, выделяются как единственные сохранившиеся поэтические свидетельства этих событий в сирийской литературе. Они являются редким отражением того, как ужасы вторжения воспринимались христианским меньшинством, а также замечательными образцами средневековой сирийской поэзии. Хотя эти стихотворения доступны ученым уже несколько столетий, до сих пор не было предпринято ни одной попытки их всестороннего изучения и перевода.

В настоящем докладе основное внимание уделяется одному из стихотворений о завоевании Тамерланом Тур-Абдина, озаглавленному «О тот, кто выше разума» и, как мы полагаем, было написано в период между 1394 (год завоевания) и 1424/5 (год смерти автора) годами. С точки зрения композиции, стихотворение написано в форме *согиты*, эпического повествовательного стихотворения, отличающегося регулярной рифмой и строфической структурой.

Сведения, собранные Игнатием Барсаумом из различных источников, указывают на то, что Исаяя (Иша'я) из Бет-Свирина был сирийским православным священником, сыном священника Денхо из Бет-Свирина и отцом священника Йешу из Бет-Свирина, из семьи Кухайм. Исаяя известен как основатель школы теологии и сирийского языка в Бет-Свирина. Исаяя также признан автором *хусойо* — двучастных прозаических молитв, включенных в западно-сирийскую литургию часов, и брачного порядка для вдов и вдовцов с предисловием.

Авторами доклада было проведено текстологическое исследование и контекстуализация событий, описанных в тексте. В будущем мы планируем провести сравнительное литературоведческое исследование, детально проанализировать содержание текста и сопоставить его с другими поэтическими текстами и историческими источниками.

Anton D. Pritula

(State Hermitage Museum; HSE University)

Alexandra I. Belozertseva

(HSE University)

The Poem of Isaiah of Beṭ Šbīrīnā on the Invasion of Tamerlane

Keywords: Isaiah of Beṭ Šbīrīnā; Syriac Orthodox Church; poetry on catastrophes; West Syriac tradition; Tamerlane's invasion

Traditionally, scholars regard the period of 14th – 15th centuries as the time of decline for Syriac literature and culture due to the invasion of Tamerlane (d. 1407), which led to the dramatic destruction of manuscript collections, so the literary activity ceased almost completely until the 16th century. Two poems

of the priest and teacher Isaiah (d. 1424/5) of the monastery of Beṭ Šbīrīnā on the ravages of Tamerlane in Ṭur Abdīn in the years 1393/4 stand out as the only surviving poetic account on these events in the Syriac literature. They are a rare reflection of how the horrors of invasion were perceived by the Christian minority as well as the remarkable examples of Syriac medieval poetry. While those poems have been available to scholars for several centuries, no attempt of a translation or comprehensive study has been undertaken yet.

Hence, the current paper focuses on one of the poems on Tamerlane's conquest of Ṭur Abdīn entitled "Oh the one who is higher than rationality" and composed, as we suppose, in the years between 1394 (the year of conquest) and 1424/5 (the death of the author). In terms of its composition, the poem is composed as *soḡītā*, an epic narrative poem notable for its consistent rhyme and a three-part structure.

Evidence collated from various sources by Ignatius Barsoum indicates that Isaiah (Isha'ya) of Beṭ Šbīrīnā was a Syriac Orthodox priest, who founded a school of theology and Syriac language in this village. Isaiah is also acknowledged as a composer of *ḥusōyōs* – propitiatory two-part prose prayers included in West Syriac Liturgy of Hours, and a marriage order for widows and widowers with a preface.

The authors of this paper have conducted a text-critical study and contextualized the described events. In the future we are planning a comparative literary study to analyze the contents of the text and compare it with other poetic texts and various historical sources.

М. Р. Пышненко
(Восточный факультет СПбГУ)

**Историческая текстология и «Хуаян го чжи»:
к постановке проблемы**

Ключевые слова: историческая текстология; «Хуаян го чжи»; паратекст; стемма; разночтения; ономастика

Доклад посвящен обоснованию нового подхода к изучению истории текста «Хуаян го чжи» (華陽國志, «Описание страны Хуаян», ок. 350 г. н. э.). Существующие схемы передачи текста (генеалогические древа), предложенные современными исследователями Жэнь Найцяном и Лю Линем, опираются в основном на сведения из предисловий и послесловий. Такой подход недостаточен, поскольку выводы, сделанные на его основе, не были проверены путем сопоставления самого текста в разных списках. Цель доклада — показать необходимость такой проверки и наметить ее основные направления.

В ходе предварительного анализа глав 3 («Описание Шу») и 4 («Описание [области] Наньчжун») обнаруживаются многочисленные разночтения, которые можно классифицировать по общепринятым в текстологии типам. Это делает «Хуаян го чжи» подходящим материалом для применения методов критики текста. Речь идет об ошибках, таких как *substitutio* (замена знака), *transpositio* (перестановка), *omissio* (пропуск) и *additio* (добавление), которые возникают в процессе визуального копирования («на глаз»), записи под диктовку («на слух»), а также при переносе текста между рукописями и ксилографами. Кроме того, до сих пор не привлекались для анализа такие элементы, как именные и библиотечные печати на сохранившихся копиях. Эти данные могут помочь реконструировать

историю бытования текста и выявить случаи «горизонтальных» связей между разными ветвями передачи текста, когда редактор исправлял свой экземпляр по-другому.

Таким образом, предлагается исследовательская программа, нацеленная на проверку сведений из предисловий через анализ системных разночтений, ошибок и табуирования (запрета на использование иероглифов из имен императоров). Особую значимость такой подход имеет для ономастики. Только после текстологической критики можно надежно использовать уникальные данные памятника, такие как гапаксы (слова, встретившиеся в тексте один раз), передающие некитайские имена. Это открывает перспективы для реконструкции фонетики древних языков Юго-Западного Китая и уточнения сведений о ранней истории региона.

Maxim R. Pyshnenko

(Faculty of Asian and African Studies,
Saint Petersburg State University)

Historical Textual Criticism and the *Huayang guo zhi*: Defining a Research Problem

Keywords: historical textual criticism, *Huayang guo zhi*, paratext, stemma, textual variants, onomastics

This paper argues for a new approach to studying the textual history of the *Huayang guo zhi* (華陽國志, «Description of the land of Huayang», ca. 350 CE). The existing stemma (family trees of texts), proposed by modern scholars such as Ren Naiqiang and Liu Lin, rely primarily on information from prefaces and colophons. This approach is inadequate, as its conclusions have not been verified through a collation of the text itself across different extant versions. The purpose of this paper is to demonstrate

the need for such verification and to outline a framework for this research.

A preliminary analysis of chapters 3 («Annals of Shu») and 4 («Annals of Nanzhong») reveals numerous textual variants that can be classified according to types well-established in textual criticism. This makes the *Huayang guo zhi* an ideal case study for applying the methods of textual criticism. These are scribal errors such as *substitutio* (substitution of a character), *transpositio* (transposition), *omissio* (omission), and *additio* (addition), which arise during visual copying, dictation, and the transmission of the text between manuscripts and woodblock editions. Furthermore, other paratextual elements, such as the personal and library seals found on extant copies, have so far been overlooked in analysis. This data could help reconstruct the provenance of individual copies and identify instances of "horizontal transmission" (contamination) between different textual branches, where an editor corrected one version against another.

Therefore, a research program is proposed to test the information provided in prefaces against a systematic analysis of textual variants, scribal errors, and naming taboos (the prohibition on using characters from imperial personal names). This approach is of particular importance to onomastics. Only after rigorous textual criticism can the text's unique data—such as hapax legomena (words that appear only once) that transcribe non-Sinitic names—be used reliably. This opens new avenues for reconstructing the historical phonology of the ancient languages of Southwest China and for refining our knowledge of the region's early history.

М. Л. Рейснер
(ИСАА МГУ)

**Черты «нового стиля» (*tarz-i tāza*)
в газелях Талиба Амули (1586–1627)**

Ключевые слова: Талиб Амули; «новый стиль»; газель; мотивы авторской рефлексии

Стилю персоязычной поэзии XVI–XVII вв., который в иранистике известен как «индийский» (термин Малек ош-Шо'ара Бахара), участники поэтической практики этой эпохи дали собственное наименование. В своих стихах они именуют его «новым стилем» (*tarz-i tāza* или *tarz-i naw*) или «особой манерой» (*šīve-yi haṣ*).

Благодаря присутствию в стихотворных текстах этих словосочетаний-маркеров можно выделить круг поэтов, в творчестве которых стилистические нововведения приобрели целенаправленный характер. Среди приверженцев обновления стиля можно назвать имена Фигани Ширази, Назири Нишапури, Саиб Табризи, Калим Кашани, Шаукат Бухараи и др. Еще один поэт, чье имя должно быть упомянуто в этом ряду, – Талиб Амули (1586–1627). Его творчество не часто привлекало внимание исследователей. Между тем, в газелях других поэтов, принадлежащих к этому движению, например, Саиба Табризи и Шауката Бухараи, имеются упоминания его имени в хвалебном тоне. Такие указания помогают точнее очертить круг поэтов, представителей «нового стиля», и расширить оригинальный материал с целью дальнейшего его изучения в различных авторских реализациях.

Данное исследование продолжает серию докладов и статей, посвященных анализу мотивов авторского самосознания в газелях мастеров «нового стиля». В доступном нам

издании «Куллийата» (Полного собрания стихов) Талиба Амули насчитывается 1630 газелей, из которых на настоящий момент обследовано 990. В фокусе внимания, как и в уже опубликованных работах, оказались мотивы поэта и поэзии, группирующиеся в финальных стихах газелей (*maqta'*), содержащих авторское имя (*taxalluṣ*).

Естественно, что результаты наблюдений в силу неполного охвата материала носят предварительный характер. Тем не менее, в уже изученных текстах обнаруживается достаточное количество репрезентативных примеров, в которых можно усмотреть типичные черты «нового стиля» («особой манеры»). Предпринятый анализ подтверждает вывод о том, что в среде его приверженцев был выработан единый образный язык для описания совершенного поэтического слова.

Marina L. Reysner

(Institute for Asian and African cultures MSU)

**Features of the 'new style' (*tarz-i tāza*)
in the ghazals of Talib Amuli (1586–1627)**

Keywords: Talib Amuli, *new style*, ghazal, motifs of author's reflection

The style of Persian poetry of 16th–17th centuries, which is known in Iranian studies as 'Indian style' (a term coined by Malek osh-Sho'ara Bahar), has its own name among the poets of this period. In their poetic works, they refer to it as the 'new style' (*tarz-i tāza* or *tarz-i naw*) or the 'special manner' (*šīve-yi xaṣ*).

Thanks to the presence of these marker syllables in the poetic texts, it is possible to identify a group of poets whose stylistic innovations were clearly conscious. Among the proponents of the

style renewal are Fegani Shirazi, Naziri Nishapuri, Saib Tabrizi, Kalim Kashani, Shaukat Bukhari, and others. Another poet who should be mentioned in this context is Talib Amuli (1586-1627). His work did not often attract the attention of researchers. Meanwhile, in the ghazals of other poets belonging to this movement, such as Saib Tabrizi and Shaukat Bukhari, his name is mentioned in a laudatory tone. Such references help to more accurately define the circle of poets representing the 'new style' and expand the original material for its further study in various authorial implementations.

This study continues a series of reports and articles devoted to the analysis of the motives of the author's self-consciousness in the ghazals of the masters of the 'new style'. In the edition of the *Kulliyat* (Complete Collection of Poems) by Talib Amuli available to us, there are 1630 ghazals, of which 990 had been surveyed so far. The focus, as in the already published works, was on the motives of poet and poetry, grouped in the final verses of the ghazals (*maqta'*) containing the author's name (*taxalluṣ*).

Naturally, the results of the observations are preliminary due to the incomplete coverage of the material. Nevertheless, the texts that have already been studied contain a sufficient number of representative examples that can be used to identify the typical features of the 'new style' (or 'special manner'). The analysis conducted confirms the conclusion that a unified figurative language has been developed among its adherents to describe perfect poetic word.

В. А. Розов
(Восточный факультет СПбГУ)

**«Утешение озабоченного историей астрологов»
Ибн Тавуса как источник сведений
о придворной культуре Аббасидского халифата**

Ключевые слова: Ибн Тавус; астрология; Аббасиды; адаб; придворная жизнь

Абу ал-Касим Али ибн Муса ибн Джафар ибн Мухаммад ат-Тавус (1193–1266) – одна из наиболее интересных фигур эпохи окончательного упадка династии Аббасидов. Он был не только крупным шиитским духовным авторитетом и богословом, но также занимал видное место при дворе последних аббасидских халифов. Ибн Тавус оказывал им услуги советника, а также выполнял функции придворного астролога вплоть до разорения Багдада монголами, в котором ему удалось уцелеть. Его труд «Утешение озабоченного историей астрологов» (*faraj al-mahmūm bi ta'rikh 'ulamā' al-nujūm*) представляет несомненный интерес для самого широкого круга исследователей, поскольку он касается самых разнообразных тем. Так, в нем обсуждаются проблемы дозволенности астрологии и границы ее применения, приводятся биографии и сведения о сочинениях астрологов-мусульман, а также многочисленные легенды о предсказании доисламскими астрологами пророческой миссии Мухаммада. Особое место в сочинении занимает обоснование особого доступа к сокровенным знаниям у Мухаммада и его потомков-шиитских имамов. Не менее важная часть книги – истории о сбывшихся предсказаниях астрологов, преимущественно тех, кто работал при дворе аббасидских правителей. Они приводятся в книге как неотъемлемая часть, с одной стороны, биографий

астрологов, а с другой – в качестве доказательства истинности астрологии. При этом эти сведения содержат интереснейшую информацию о взаимодействии астрологов и правителей и о нравах, царивших при дворах правителей, что делает их ценным источником для изучения быта и нравов аббасидского двора.

Vladimir A. Rozov

(Department of Asian and African studies,
St Petersburg State University)

**‘The Comfort of the Concerned
by the History of Astrologers’ by Ibn Ṭāwūs
as a Source for the Court Culture of the Abbasid Caliphate**

Keywords: Ibn Ṭāwūs; astrology; Abbasids; adab; court life

Abū al-Qāsim ‘Alī b. Mūsā b. Ja‘far b. Muḥammad al-Ṭāwūs (1193–1266), also known as Ibn Ṭāwūs, is a notable figure from the period of the final decline of the Abbasid Dynasty. He was a prominent Shia authority and theologian who held an important position at the court of the last Abbasid Caliphs. As an adviser and court astrologer, Ibn Ṭāwūs provided services to the Caliphs until the destruction of Baghdad by the Mongols in 1258, during which he survived. His work, ‘The Comfort of the Concerned with the History of Astrologers’ (*faraj al-mahmūm bi ta’rikh ‘ulamā’ al-nujūm*), is of significant interest to scholars as it covers a wide range of topics. The treatise discusses the issues of the legitimacy of astrology and its limits, provides biographical information and details about the works of Muslim astrologers, as well as various legends related to the prediction of Muḥammad’s prophetic mission by pre-Islamic astrologers. A significant portion of the work is dedicated to justifying ideas about special esoteric knowledge of

Muhammad and his successors, the Shia imams. An equally important part of the book is the stories about successful predictions of astrologers, mainly those who worked at the court of the Abbasid rulers. They are given in the book as an integral part, on the one hand, of the biographies of astrologers, and on the other – as proof of the truth of astrology. At the same time, these anecdotes contain interesting information about the interaction of astrologers and rulers, and about the customs that prevailed at the courts, which makes it a valuable source for studying the life and customs of the Abbasid court.

И. Р. Саитбатталов

(Уфимский университет науки и технологий)

Тюркоязычная поэзия Мухаммада Хасана Катил: текстологические замечания

Ключевые слова: литературы Индии; Мухаммад Хасан Катил; тюркоязычная литература Индии; текстология; чагатайская поэзия; чагатайский язык; язык тюрки

Исследования недавних лет установили, что индийский филолог, бытописатель и поэт Мухаммад Хасан Катил (1758–1818), работавший преимущественно на персидском языке, создал наиболее значительный как по объему, так и по количеству текстов корпус текстов на языке тюрки, восточный вариант которого принято называть чагатайским. Этот корпус включает два прозаических и одно поэтическое сочинение по грамматике и сказочную повесть, условно называемую «Повестью о За‘фран-пари», со стихотворными включениями.

Последняя, будучи, очевидно, сочиненной в качестве иллюстрации к грамматическим трактатам, активно бытовала и отдельно от них. Ее списки общим числом пять сохранились в Библиотеке «Раза» (г. Рампур, Индия), Британской библиотеке (опубликована в 2014 г. М. Ф. Йылмазом), Берлинской государственной библиотеке, Национальной библиотеке Франции (обнаружена и атрибутирована нами). Хронология списков охватывает 1803–1848 гг. Это свидетельствует о сохранении интереса к тюркскому языку и произведениям на нем практически до самого конца монгольской эпохи.

Стихотворные включения присутствуют во всех списках повести, причем их общее количество (9 текстов) не меняется в зависимости от неполноты списков (в парижском

отсутствует конец) или сокращений (в британском отсутствует ряд эпизодов) прозаического текста. Поэтические включения были важным и устойчивым структурным элементом текста.

Все поэтические включения обозначены жанровыми определениями: среди них три газели объемом от шести до одиннадцати бейтов, четыре маснави объемом от двух до десяти бейтов, один на'т объемом пять бейтов и один ши'р объемом два бейта. Общий объем стихов — 54 бейта. В более поздних рукописях снижается точность жанровых определений. Берлинская все стихи обозначает как назм.

Поэтические включения представляют собой как авторскую речь (маснави и на'т в начале повести), так и речь персонажей. Все такие тексты непосредственно связаны с сюжетом и вводятся специальными оборотами, маркирующими прямую речь. Характерной особенностью их контекста является наличие филологического комментария, выделяющегося основную мысль (мазмун) стихотворений.

Iskander R. Saitbattalov

(Ufa University of Science and Technology)

Turkic poetry of Muhammad Hasan Qatil: textual comments

Keywords: literature of India; Muhammad Hasan Qatil; Turkic-language literature of India; textual criticism; Chagatai poetry; Chagatai language; Turkic language

Recent studies have established that the Indian philologist, chronicler and poet Muhammad Hasan Qatil (1758–1818), who worked mostly in Persian, created the most widespread texts in terms of both volume and quantity, in the eastern version of

Turki language, which is commonly called Chagatai. This corpus includes two prose and one poetic work on grammar and a fairy tale, conventionally called "The Tale of Za'fran-pari", with poetic inclusions.

The latter, obviously composed as an illustration to grammatical treatises, actively existed separately from them. Its five manuscripts has been preserved in the Raza Library (Rampur, India), the British Library (published in 2014 by M. F. Yilmaz), the Berlin State Library, and the National Library of France (discovered and attributed by us). The chronology of the manuscripts is from 1803 to 1848. This indicates the continued interest in the Turkic language and works in it almost until the very end of the Mughal era.

Poetic inclusions are found in all copies of the story, and their total number (9 texts) does not change depending on the incompleteness of the copies (the end is missing in the Parisian one and a number of episodes are missing in the British one) prose text. Poetic inclusions were necessary and a stable structural element of the text.

All poetic inclusions denote genre definitions: among them are three ghazals of six to eleven bayts, four mathnawi of two to ten bayts, one na't of five bayts and one shi'r of two bayts. The total volume of verses is 54 bayts. In later manuscripts, the precision of genre definitions decreases. The Berlin manuscript denotes all verses as nazm.

Poetic inclusions are represented by both the author's speech (mathnawi and na'at the beginning of the story), and speech of its characters. All such texts are directly related to the plot and are provided for by special turns of phrase, marking the meaning of speech. A characteristic binding of their context is the presence of philological commentaries, describing main ideas (mazmun) of the poems.

А. М. Сидоров
(РНБ)

**Большая масора книги Исход
в пяти ранних рукописях еврейской Библии:
сравнительное изучение и некоторые находки**

Ключевые слова: масора; рукописи еврейской Библии; книга Исход

Доклад посвящен сравнению большой масоры книги Исход в пяти ранних рукописях еврейской Библии: Евр. II В 17 (929/930 г., Пятикнижие), Ленинградском кодексе (1008/1009 г., Танах), Дамасском Пятикнижии (X в.), Кодексе Сассуна 1053 (IX-X в., Танах) и Codex Orientales 4445 (X в., Пятикнижие).

Большая масора представляет собой список цитат-отсылок к различным стихам еврейской Библии, в которых та или иная лексема встречается в рlene или, наоборот, дефектном написании, имеет нехарактерную огласовку, знаки кантилляции и т.п. Несмотря на то, что подобным спискам посвящен такой поистине фундаментальный труд, как «Масора» К.Д. Гинсбурга (Ginsburg, C.D. The Massorah... London, 1880–1905), они довольно плохо исследованы. В силу и без того немалого объема материала Гинсбургу пришлось пойти на компромисс: фиксируя наличие вариантов одного и того же списка в разных рукописях и изданиях, он всегда печатал лишь один из них, никак не сравнивая разные варианты.

Современные исследователи масоры обычно сосредотачивают свои усилия на сравнительном изучении малой масоры, которая, в противоположность большой, содержит лишь указание на количество контекстов, где встречается

та или иная особенность, обратившая на себя внимание автора примечания.

Однако и изучение списков большой масоры, как будет продемонстрировано в докладе, может давать любопытные результаты. Во-первых, списки большой масоры содержат порой неожиданные, не засвидетельствованные известными рукописями чтения для контекстов, на которые они ссылаются. Во-вторых, сходство текстов отсылок в двух разных рукописях может указывать либо на знакомство одного из писцов с работой другого, либо на существование некоего общего масоретского списка, известного обоим. Это, в свою очередь, может и помочь проследить эволюцию текста примечания, или служить косвенным указанием на датировку и происхождение той или иной рукописи.

Artur M. Sidorov

(Institute of Oriental Studies RAS)

**The Masorah Magna of the Book of Exodus
in Five Early Manuscripts of the Hebrew Bible:
A Comparative Study and Findings**

Keywords: The Masorah; Hebrew Bible manuscripts; the Book of Exodus

This report is devoted to a comparison of the *Masorah magna* of the Book of Exodus in five early Hebrew Bible manuscripts: Евр. II В 17 (929/930 CE; Pentateuch), the Leningrad Codex (1008/1009 CE; Tanakh), the Damascus Pentateuch (10th c.), Codex Sassoon 1053 (9th–10th c.; Tanakh), and Codex Orientales 4445 (10th c.; Pentateuch).

The Masorah magna is a list of cross-references to biblical verses in which a given lexeme occurs either in plene or

defective spelling, with unusual vocalization, cantillation marks, and similar features.

Although such lists are the subject of C.D. Ginsburg's monumental *The Massorah* (London, 1880–1905), they remain insufficiently studied. Because of the sheer volume of material, Ginsburg had to compromise: while noting the existence of variant forms of the same list in different manuscripts and editions, he printed only a single version, without comparing the variants.

Contemporary scholarship on the Masorah tends to concentrate on the Masorah parva, which, unlike the Masorah magna, merely indicates the number of contexts in which a particular feature occurs.

However, the study of the Masorah magna lists, as this report will demonstrate, can also yield interesting results. On the one hand, the lists occasionally preserve unexpected readings for the passages they cite – readings that are otherwise unattested in the extant manuscript tradition. On the other, close agreement in the wording between lists in different manuscripts may suggest either direct dependence of one scribe on another or the use of a shared Masoretic source. Such parallels can help trace the development of individual notes or may provide indirect evidence for the dating and provenance of a manuscript.

О. А. Соколов
(СПбГУ)

Суфии и крестоносцы: типология нарративов в мусульманских источниках

Ключевые слова: крестовые походы; ислам; суфизм; культурная память

Изучение истории Крестовых походов и памяти об этих событиях вплоть до последней четверти XX в. фокусировалось практически исключительно на взгляде элитных групп на данную эпоху, и если исследователи, работающие с источниками на европейских языках, за последние полвека сделали многое для реконструкции восприятия Крестовых походов широкими массами населения Средневековой Европы и крестоносных государств, то в случае с исследованием восприятия крестоносцев низовыми слоями населения мусульманских государств Средневекового Ближнего Востока, подобные работы практически отсутствуют. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть такой важный аспект восприятия крестоносцев мусульманами, как деятельность суфиев и суфийских орден, связанную с противостоянием франкам.

Можно выделить следующие паттерны в нарративах, связанных с деятельностью суфиев в контексте борьбы с крестоносцами.

Первым типом нарративов являются рассказы о непосредственном участии суфиев в боевых действиях, в которых говорится либо о храбрости и подвигах суфиев, либо о том, как они приняли мученическую смерть от рук франков.

Ко второму типу относятся нарративы о возникновении новых сакральных пространств у стратегически важных пунктов Святой земли из-за страха перед возвращением крестоносцев. Этому покровительствовали правители, начиная с Нур ад-Дина, Салах ад-Дина и Бейбарса, при этом вводились новые ритуалы и паломничества, связанные с христианской угрозой, а также строились суфийские обители. К этому типу также относятся представления населения Леванта о том, что аулия, к которым обращались со специальными молитвами, защищают Святую землю от неверных.

К третьему типу относятся нарративы, сложившиеся после окончания Крестовых походов. Речь идет о рассказах о готовности суфиев отразить новые европейские вторжения.

Oleg A. Sokolov

(St Petersburg State University)

Sufis and Crusaders: A Typology of Narratives in Muslim Sources

Keywords: Crusades; Islam; Sufism; cultural memory

The study of the history of the Crusades and the memory of these events up to the last quarter of the 20th century focused almost exclusively on the view of elite groups on this era, and if researchers working with sources in European languages have done a lot over the past half century to reconstruct the perception of the Crusades by the broad masses of the population of Medieval Europe and the Crusader states, there is practically no research on the perception of the Crusaders by the grassroots population of the Muslim states of the Medieval Middle East. In

this regard, it seems relevant to consider such an important aspect of the perception of the Crusaders by Muslims as the activities of Sufis and Sufi orders related to the confrontation with the Franks.

The following patterns can be distinguished in the narratives related to the activities of the Sufis in the context of the struggle against the crusaders.

The first type of narratives are stories about the direct participation of Sufis in the fighting, which speak either about the courage of the Sufis, or about how they became martyrs at the hands of the Franks.

The second type includes narratives about the emergence of new sacred spaces at strategically important points in the Holy Land due to fear of the return of the Crusaders. This was patronized by the rulers, starting with Nur al-Din, Salah al-Din and Baybars, while new rituals and pilgrimages related to the Christian threat were introduced, as well as Sufi lodges were built. This type also includes the ideas of the Levant population that the awliya, who were addressed with special prayers, protect the Holy Land from infidels.

The third type includes narratives that developed after the end of the Crusades. We are talking about stories about the readiness of the Sufis to repel new European invasions.

Х. М. Сулаймонова

(Университет узбекского языка и литературы
им. Алишера Навои, Узбекистан)

**«Расāиль аль-Хорезми» как источник
по истории арабской эпистолярной прозы:
источниковедческий и текстологический аспект**

Ключевые слова: Абу Бакр аль-Хорезми (935–993); эпистолярная литература; рукописи; саж[ؑ]; текстология

Сборник «Расāиль аль-Хорезми» представляет собой уникальный памятник арабской эпистолярной прозы X века. Он включает 156 писем, преимущественно в жанре ихванийят, отличающихся высокой степенью стилистической обработки и написанных ритмической прозой (саж[ؑ]). Адресаты указаны без имен и титулов, что затрудняет атрибуцию. Ни одно письмо не датировано, однако хронологический и содержательный анализ позволяет соотнести их с определенными этапами жизни автора.

Это произведение представляет интерес как источник по истории культуры и литературы исламского Востока. На сегодняшний день известно более 10 рукописей, хранящихся в библиотеках Германии, Великобритании, Ирландии, Франции и Австрии, а также несколько десятков — в фондах Турции. Подлинная авторская копия и экземпляры, переписанные при жизни аль-Хорезми, пока не обнаружены. Самая ранняя из известных рукописей — №4247 из библиотеки Честер Битти, датированная 601 г. х. / 1207 г. н. э.

Следует отметить, что на сегодняшний день нам не удалось выявить специальных исследований по «Расāиль» в академической литературе на узбекском, русском и европейских языках. Кроме того, в современных арабских исследованиях наблюдаются значительные пробелы, в частности

— ограниченное внимание к турецким рукописям из фондов крупнейших библиотек Османского наследия.

Выявленные расхождения между рукописями позволяют говорить о наличии разнотипных редакций, сформировавшихся в различных регионах. Это обстоятельство делает особенно актуальной подготовку критического издания, основанного на всестороннем сопоставительном анализе сохранившейся рукописной традиции.

Khulkar M. Sulaymonova

(Alisher Navoi University of Uzbek Language and Literature,
Uzbekistan)

**"Rasā'il al-Khwarizmi"
as a Source on the History of Arabic Epistolary Prose:
Source-Critical and Textological Aspects**

Keywords: Abū Bakr al-Khwarizmi (935–993); epistolary literature; manuscripts; sajʿ; textual criticism

The collection *Rasā'il al-Khwarizmi* represents a unique monument of 10th-century Arabic epistolary prose. It consists of 156 letters, primarily in the *ikhwāniyyāt* genre, characterized by a high degree of stylistic elaboration and written in rhythmic prose (*sajʿ*). The letters are undated and mostly anonymized, making attribution challenging. Chronological and thematic analysis, however, allows for their correlation with specific periods in the author's life.

The work serves as an important source for the cultural and literary history of the Islamic East. Over ten manuscripts are currently known in libraries across Germany, the UK, Ireland, France, and Austria, along with several dozen in Turkish collections. No autographs or copies made during al-Khwarizmi's

lifetime have yet been found. The earliest known manuscript is No. 4247, dated 601 AH / 1207 CE, preserved at the Chester Beatty Library.

Notably, no dedicated studies on *Rasā'il* have yet been identified in academic literature in Uzbek, Russian or European languages. Moreover, existing Arabic studies show significant gaps, particularly limited attention to Turkish manuscripts housed in major repositories of Ottoman heritage.

The textual discrepancies across manuscripts suggest the emergence of multiple regional versions, underscoring the need for a critical edition based on a comprehensive comparative analysis of the manuscript tradition.

Д. М. Тимохин
(ИВ РАН)

**Об одной поздней версии нарратива
о потомках Йафета ибн Нуха**

Ключевые слова: Мирхонд; мусульманская историография; Муджмал ат-таварих; Йафет ибн Нух

Наиболее ранний пример повествования о потомках Йафета ибн Нуха и расселении их на земле после «Потопа» представлен в анонимном персидском сочинении 1126 г. «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас» («Свод историй и повествований»). В иных памятниках домонгольской эпохи этот нарратив в подобном варианте изложения более не встречается, однако он оказался востребованным целым рядом более поздних историков. На один из таких примеров мы и хотели бы обратить внимание в рамках представленного доклада: речь пойдет о сочинении персидского автора XV в. Мухаммада ибн Бурхан ад-Дина Хванд-шаха ибн Камал ад-Дина Махмуда, более известного исследователям как Мирхонд.

В первом томе своего пространного сочинения «Раузат ас-сафа' фи сират ал-анбийа' ва ал-мулук ва ал-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов») этот автор представил целый ряд биографий библейских пророков. Отдельный раздел он посвятил истории жизни потомков Йафета ибн Нуха. В рамках представленного доклада мы постараемся не только познакомить слушателей с содержанием указанного раздела, но сравним представленные в нем сведения с информацией из «Муджмал ат-таварих ва-л-кисас», чтобы продемонстрировать историографическую связь между двумя этими памятниками, написанными в разные исторические эпохи.

Dmitriy V. Timokhin
(Institute of Oriental Studies RAS)

**About a later version of the narrative
about the descendants of Japhet ibn Nuh**

Keywords: Mirkhond; Muslim historiography; Mujmal al-tawarih; Jafet ibn Nuh

The earliest example of a narrative about the descendants of Japhet ibn Nuh and their settlement on earth after the «Flood» is presented in the anonymous Persian work of 1126 «Mujmal at-tawarih wa-l-qisas» («A set of stories and narratives»). In other monuments of the pre-Mongol era, this narrative in a similar version is no longer found, but it turned out to be in demand by a number of later historians. We would like to draw attention to one of these examples in the framework of the presented report: it will be about the work of a Persian author of the XV century. Muhammad ibn Burhan al-Din Khwand Shah ibn Kamal al-Din Mahmud, better known to researchers as Mirkhond.

In the first volume of his lengthy work «Rauzat as-safa' fi sirat al-anbiya' wa al-muluk wa al-hulafa» («The Garden of Purity concerning the Lives of the Prophets, Kings and Caliphs»), this author presented a number of biographies of the biblical prophets and devoted a separate section to the life stories of the descendants of Japhet ibn Nuh. Within the framework of the presented report, we will try not only to acquaint listeners with the content of this section, but also compare the information presented in it with information from «Mujmal at-tawarih wa-l-qisas» in order to demonstrate the historiographical connection between these two monuments, written in different historical eras.

Е. Н. Толмачева
(РГПУ им. А.И. Герцена)

К истокам значения слова «Сахалин» (название острова)

Ключевые слова: остров Сахалин; маньчжурский язык; санскритский язык

Происхождение названия острова Сахалин связывают с нанесением французским картографом Жаном-Баптистом д'Анвилем на карту Азии 1753 г. словосочетания «Sahalien-ula hata», имеющего значение в маньчжурском языке «Скалы Черной реки» и не имеющего отношения к самому острову.

Изучение значений слов маньчжурского языка, который образовался как синтез языков народов, населявших земли Азии, привело к санскритскому языку.

Слово «Сахалин» по слогам произносится как «са-ха-лин» или «саха-лин».

В связи с тем, что остров может быть видимым и исчезать (пропадать) в тумане, то часть слова «лин» в значении слов «исчезать», «скрываться», «пропадать», соответствует действительности. Употребив также слово «саха» в значении «вместе», можно предположить, что остров исчезает вместе с чем-то. Поскольку совместно со словом «сахальянь» используется слово «ula» – река (Амур), то остров может исчезать совместно с рекой.

Однако, в словосочетании «Sahalien-ula hata» используется третье слово «хада», имеющее значение в переводе с маньчжурского языка «выдающаяся острая вершина горы», «скала», «пик», «сопка». При этом каменистая скала на маньчжурском произносится как «вэхэ».

Описание острова как огромного и растворяющегося в беловой дали, где «теряются у горизонта цепи одновысотных, точно подстриженных под одну гребенку, голубоватые вершины», позволяет сделать вывод, что речь идет не о каменистых скалах или «взхэ», а о ровных вершинах гор, которые преобладают на острове. Горные хребты, имеющие на одном уровне вершины, видны издалика и могут скрываться в тумане.

Таким образом, слово «Сахалин» или «сахальянь» может относиться к острову, но не в буквальном переводе с маньчжурского языка, а в образном восприятии слов с языка санскритского, полностью отражающих характеристики острова и его описание.

Ekaterina N. Tolmacheva

(Herzen University)

The origin of the word «Sakhalin» (name of the island)

Keywords: island of Sakhalin; Manchurian; Sanskrit

The origin of the name of Sakhalin island is associated with the application by French cartographer Jean-Baptiste Anville on a map of Asia 1753. The combination of words «Sahalien-ula hata», meaning in Manchu language «Black River Rocks», and not related to the island itself.

The study of the meaning of the words of the Manchu language, which was formed as a synthesis of the languages of the peoples who inhabited the lands of Asia, led to the Sanskrit language.

The word «sakhalin» according to the syllables is pronounced as «sa-ha-lin» or «saha-lin».

Due to the fact that the island can be visible and disappear in the fog, the part of the word «lin» in the meaning of words disappear, hide, disappear, corresponds to reality. Using also the word «saha» in the meaning together, it can be assumed that the island disappears with something. Because the word «ula» river (Amur) is used in conjunction with the word «sahalyan», the island can disappear together with the river.

However, in the conjugation of words «Sahalien-ula hata» is used the third word «hata», meaning in translation from the Manchu language outstanding sharp peak mountain, rock, peak, pike. While rocky rock in Manchurian is pronounced as «vehe».

The description of the island as a huge and dissolving in whitish distance, where «are lost at the horizon of a chain of singly, precisely trimmed, bluish peaks», allows us to conclude that we are not talking about rocky rocks or «vehe», but flat peaks of mountains, who dominate the island. Mountain ridges with peaks on the same level are visible from afar and can be hidden in the fog.

Thus, the word «Sahalin» or «Sahalyan» may refer to the island, but not in a literal translation from the Manchurian language, but in a figurative perception of words from the Sanskrit language, fully reflecting the characteristics of the island and its description.

М. В. Торопыгина
(ИБ РАН)

**Ксилографическая книга от замысла до воплощения
в тексте и иллюстрациях сочинения Дзиппэнся Икку
«Издатель бьет прямо в яблочко!»
(«Атариясита дзихон доия», 1802)**

Ключевые слова: период Токугава; ксилографическое книгопечатание; автор; издатель; *кибё:си*; Дзиппэнся Икку

История японского коммерческого книгоиздания начинается в самом конце XVI века, незадолго до начала периода Токугава (1603–1868). До середины XVII века в книгопечатании конкурируют две технологии: наборная печать–ксилография. Однако со второй половины XVII века практически все книги печатают ксилографическим способом. Ксилографические книги выпускали в Японии и до периода Токугава, однако занимались печатью исключительно буддийские монастыри, а репертуар книг был ограничен религиозными сочинениями на китайском языке.

С началом периода Токугава, наряду с китаеязычными, появились книги на японском языке. В потоке японоязычных книг достаточно большой пласт составляет развлекательная художественная литература.

Книжка «Издатель бьет прямо в яблочко!» относится к книгам *кибё:си* – «желтые обложки». «Желтые обложки» – тонкие книжки небольшого формата, с веселым, комическим содержанием, текст и картинки составляют в них единое целое. «Желтые обложки» были недорогими и считались хорошим новогодним подарком.

Сочинение «Издатель бьет прямо в яблочко!» выпущено в 1802 году. Текст и иллюстрации создал Дзиппэнся Икку

(1765-1831). Книжка посвящена выпуску новогоднего бестселлера *кибё:си*, который задумал напечатать издатель Муратая Дзиро:бээ. Муротая Дзиро:бээ заказал его у Дзиппэнся Икку.

Перед читателем проходит весь процесс производства книги. Созданные автором текст и иллюстрации передаются граверам, они вырезают текст и иллюстрации на деревянных блоках; деревянные блоки с вырезанными текстом и иллюстрациями передаются печатникам, они печатают листы книги; листы идут в сборку; к собранной книге прилаживают обложки; книгу сшивают; сшитую книгу продают. Каждый из этих этапов создания книги проиллюстрирован и кратко описан.

Наряду с некоторыми другими *кибё:си*, где также можно увидеть создателей книги и процесс печати, «Издатель бьет прямо в яблочко!» является историческим документом, дающим возможность понять детали производства книг в период Токугава.

Maria V. Toropygina

(Institute of Oriental Studies RAS)

**Woodcut book from concept to embodiment
in text and illustrations of
It's a hit! The 'local book' wholesaler!
(*Atariyashita jihon-doiya*, 1802) by Jippensha Ikku**

Keywords: numismatics; copper coins; monetary law; Safavids; Iran

The history of Japanese commercial book publishing begins at the very end of the 16th century, shortly before the beginning of the Tokugawa period (1603-1868). Until the middle of the 17th century, two technologies, the type-setting and

woodcutting, competed in book printing, but since the second half of the 17th century, almost all books have been printed using woodcutting. This technology was known before the Tokugawa period, but all publishing was realized exclusively by Buddhist monasteries, and the repertoire of books was limited to religious works in Chinese.

Since the beginning of the Tokugawa period, along with books in Chinese, books in Japanese have appeared. A fairly large layer of Japanese language books was entertainment fiction. The book *It's a hit! The 'local book' wholesaler!* is a *kibyōshi*, or "yellow cover book." "Yellow covers" are small, thin books with funny, comical content, in which the text and pictures form a single whole. "Yellow covers" were inexpensive and were considered a good New Year's gift.

It's a hit! The 'local book' wholesaler! was published in 1802. The author of the text and illustrations is Jippensha Ikku (1765-1831). The work is dedicated to the creation of the New Year's bestseller *kibyōshi*, which was conceived by the publisher Murataya Jirōbee. Murataya Jirōbee ordered it from Jippensha Ikku. The reader sees the entire process of book production. The text and illustrations written and drawn by the author are given to engravers, who cut the text and illustrations onto wooden blocks. The woodblocks with the text and illustrations cut out are given to printers who print the sheets of the book. The sheets are assembled. The covers are attached to the book. The book is sewn and finally the created book could be sold. Each of these book production stages is illustrated and briefly described.

Along with several other *kibyōshi*, which also show the book's creators and the printing process, *It's a hit! The 'local book' wholesaler!* is a historical document that provides insight into the details of book production in the Tokugawa period.

С. В. Тхор
(ИБ РАН)

**Регулирование семейно-брачных отношений
в Малаккском султанате
(согласно «Малаккскому кодексу»)**

Ключевые слова: Малаккский кодекс; *адат*; исламское право; малайское семейное право

Малаккское семейное право подверглось значительному влиянию исламского права (*hukum Islam*). Регулированию семейно-брачных отношений уделено особое внимание в «Малаккском кодексе» (XV–XVI вв.), в тексте содержатся положения мусульманского шафиитского семейного права. В докладе анализируются характер заимствования норм исламского права в тексте «Малаккского кодекса» на примере семейного права. В кодексе прописаны правила дееспособности и условия для вступления в брак (*hukum kahwin*), в том числе признаки половозрелости (*baligh*). Детально прописаны условия помолвки, получения и возврата помолвочного кольца (*acaram*), проведение религиозного обряда бракосочетания (*nikah*), требования к опекунам (*wali*) и к свидетелям церемонии (*saksi*), а также ключевая роль судьи (*hakim*). В кодексе разъясняются условия действительности заключенного брака и условия расторжения исламского брака (*hukum talak*). В кодексе отдельно прописаны правила заключения брака между людьми с различным вероисповеданием. Малаккское законодательство допускало женитьбу мужчины или женщины с социально свободным статусом (*merdehika*) на рабах (*abdi*) при соблюдении ряда условий. Подробно прописаны семейные обязательства супругов и ответственность за супружескую неверность (*zina*). Разделяется ответственность супругов в случае невозврата долга, взятого одним из них. В тексте кодекса используются

различные исламские юридические термины. Использование норм исламского права является приоритетным, однако заимствование исламских норм является выборочным. Многие принципы права, закрепленные в «Малаккском кодексе», повлияли на формирование семейного права в современной малайзийской правовой системе.

Svetlana V. Tkhor

(Institute of Oriental Studies RAS)

**Regulation of family and marriage relations
in the Malacca Sultanate
(according to "The Code of Malacca")**

Keywords: The Malacca Code; *adat*; Islamic law; Malay family law

Malacca family law was significantly influenced by Islamic law (*hukum Islam*). The regulation of family and marital relations is given special attention in "The Malacca Code" (XV-XVI centuries). "The Malacca Code" contains provisions of Muslim Shafi'i law. The report analyzes the borrowing the norms of Islamic law in "The Malacca Code " using the example of family law. The Code sets out the rules of legal capacity and conditions for entering into marriage (*hukum kahwin*), including signs of puberty (*baligh*). The terms of engagement, the receipt and return of the engagement ring (*acaram*), the religious marriage ceremony (*nikah*), the requirements for guardians (*wali*) and witnesses to the ceremony (*saksi*), also the key role of the judge (*hakim*) are spelled out in detail. The Code fixes the conditions of validity of the marriage and the conditions of dissolution of an Islamic marriage (*hukum talak*). The Code sets out in detail the rules for concluding a marriage between people with different social status and religion. Malaccan law permitted the marriage of a free man or woman (*merdehika*) with a slave (*abdi*) under certain

conditions. The family obligations of the spouses and the liability for adultery (*zina*) were spelled out in detail. The responsibility of spouses in case of non-repayment of a debt taken by one of them is divided. There are various Islamic legal terms in The Code, the use of Islamic law is a priority, however, the borrowing of Islamic norms in the Malacca legislation was selective. Many of the legal principles enshrined in «The Malacca Code» have influenced the formation of family law in the modern Malaysian legal system.

Е. В. Тюлина
(ИБ РАН)

Модификации мифа о Пуруше в пуранах и его роль в осмыслении и описании мира

Ключевые слова: пураны; древняя и средневековая Индия; миф о Пуруше; представления о мире и истории

Своеобразие древних и средневековых культур проявляется в том, что в основе их универсальных категорий лежат представления об антропоморфной вселенной, когда весь мир воспринимается как единый организм, в котором человеческое тело и космос изоморфны. В Индии похожие представления воплощались в образе космического гиганта Пуруши — первочеловека, из тела которого был создан мир и человеческое общество. Наиболее древние представления о Пуруши мы встречаем в «Пуруша-сукте» «Ригведы» (X.90), где он описывается как жертва, в результате расчленения которой возникли ведийские гимны, животные, варны людей, а также все космические элементы. Этот широко известный миф играет особую роль в развитии индийской культуры. Вплоть до наших дней он подвергается бесконечным модификациям. В описании Пуруши части его тела и органы отождествляются с космическими элементами, объектами мира и его субстанциями, а также с населяющими его существами. Такое отождествление задает структуру, с помощью которой описываются и объясняются самые различные явления мира. В средневековых пуранах эта структура присутствует и в религиозных, и в научных частях, и даже в трактатах по строительству, где образ Пуруши лежит в основе мандалы, создававшейся на месте будущей постройки. Интересно, что сами индийцы осознавали важность этой структуры и ее роль в организации текста. В «Гаруда-пуране» образ Пуруши оказывается совмещенным с образом

верховного божества, создателя мира, т. е. Вишну. Он носит имя «Пурана-пуруша» (*purāṇapuruṣa*, т. е. «Первоначальный человек»), и подобно ведийскому Пуруше, в результате жертвоприношения которого возник мир, имеет тысячу глаз, тысячу ног и т. п. (ГП I.2.17). Слово «пурана» имеет два значения: «прошлое» и «сказание о прошлом» (т. е. определенные религиозные тексты, пураны). Поскольку это описание мы находим в главе, рассказывающей, как возникла «Гаруда-пурана», слово «Пурана-пуруша» имеет двоякое значение. Это и Пуруша как некая структура, организующая космос и его историю, и «Человек пураны» как нечто, организующее текст «сказания о прошлом».

Elena V. Tyulina

(Institute of Oriental Studies RAS)

Modifications of the Purusha myth in the Puranas and its role in understanding and describing the world

Keywords: Puranas; ancient and medieval India; the myth of Purusha; ideas about the world and history

The uniqueness of ancient and medieval cultures is manifested in the fact that their universal categories are based on the idea of an anthropomorphic universe, when the whole world is perceived as a single organism in which the human body and the cosmos are isomorphic. In India, similar ideas were embodied in the image of the cosmic giant Purusha, the first man from whose body the world and human society were created. The most ancient ideas about Purusha are found in the Purusha-sukta of the Rigveda (X.90), in which he is described as a victim, as a result of whose dismemberment Vedic hymns, animals, human varnas, as well as all cosmic elements arose. This well-known myth plays a special role in the development of Indian culture. Up to the

present day, it has been subjected to endless modifications. In Purusha's description, parts of his body and organs are identified with cosmic elements, objects of the world and its substances, as well as with the beings inhabiting it. This identification sets the structure by which the most diverse phenomena of the world are described and explained. In the medieval Puranas, this structure is present in both religious and scientific parts, and even in treatises on construction, where the image of Purusha underlies the mandala created on the site of a future building. Interestingly, the Indians themselves were aware of the importance of this structure and its role in the organization of the text. In the Garuda-Purana, the image of Purusha is combined with the image of the supreme deity, the creator of the world, i.e. Vishnu. He is called "Purana-purusha" (*purāṇapurūṣa*, i.e. "The Original man"), and has a thousand eyes, a thousand legs, etc., like the Vedic Purusha, as a result of whose sacrifice the world arose (GP I.2.17). The word "Purana" has two meanings: "the past" and "the legend of the past" (i.e. certain religious texts, puranas). Since this description is found in the chapter describing how the Garuda-Purana originated, the word Purana-purusha has a twofold meaning. This is both the Purusha as a kind of structure that organizes the cosmos and its history, and the "Man of the Purana" as something that organizes the text of the "legend of the past".

К. В. Хазизова
(ИСАА МГУ)

**Об этимологии имени
монгольского полководца Саритая
(по материалам корейских, китайских
и монгольских летописей)**

Ключевые слова: Корё, монголы, Саритай, Чингис-хан, джалаир, «Корёса», «Юань ши»

Саритай (?–1232) – монгольский военачальник, дважды возглавлявший крупные военные кампании против государства Корё (918–1392). Вся информация о его деятельности записана на литературном китайском языке вэньяне, причем в качестве произносительной нормы использовался северокитайский официальный диалект; фонетическое написание его имени (значение иероглифов во внимание не принималось) различается в летописях и сочинениях разных авторов и даже в отдельных разделах одной и той же летописи, составленных в разные годы, однако всегда остается примерно сходным по звучанию. Так, в разделах летописей за 1218–1221 гг. его имя записывают как «Чхалла/Чжала», а после 1231 г. – только «Саллетхап/Салида», откуда и пошла наиболее известная русскоязычная версия написания его имени «Саритай». Можно с уверенностью утверждать, что периодически упоминаемое прозвище Саритая – среднемонг. *хорчи*, кит. *холичи* – означает «колчанщик», «оруженосец».

Личное имя: известно, что в 1217 г. Чингис-хан передал контроль над всеми захваченными у чжурчжэней землями Мухали из племенного союза джалаиринов, под начальством которого Саритай и вторгся в Корё. Предполагается, что Саритай/Чжала – не имя человека, а выражение фонетического звучания слова «джалаир», поскольку монголы часто

использовали названия племен в качестве имен собственных. Таким образом, можно с высокой долей вероятности утверждать, что «Чжала/Чхалла» и «Саллетхап/Саритай» – два варианта одного и того же племенного имени, «Саритай-хорчи» интерпретировать как «лучник из племени джалаир». Настоящее же личное имя полководца в истории, очевидно, не сохранилось.

Были изучены материалы корейских и китайских летописей и исторических сочинений: «Юань ши» («История [империи] Юань», 1370), «Корёса» («История [государства] Корё», 1451), «Корёса чорё» («Краткое изложение основного в истории [государства] Корё», 1452), «Тонгук пёнгам» («Военное обозрение Восточного государства», сер. XV в.), «Юань ши шицзу бяо», («Родословная родов и кланов, [упомянутых в] “Истории [империи] Юань”», XV в.), «Юань Гаоли цзиши» («Хроники [государства] Корё [эпохи] Юань» Вэнь Тинши, 1917) и «Синь Юань ши» («Новая история [империи] Юань» Кэ Шаомина, 1920), а также «Нигуча Тобчиян» («Сокровенное сказание монголов», сер. XIII в.).

Ksenia V. Khazizova

(Institute for Asian and African cultures MSU)

**On the etymology
of Mongolian commander Saritai's name
(based on materials from Korean, Chinese, and Mongolian
chronicles)**

Keywords: Koryŏ, Mongols, Saritai, Genghis Khan, Jalair, “Koryŏsa”, “Yuan Shi”

Saritai (?–1232) was a Mongolian military commander who twice led major campaigns against the Koryŏ state (918–1392). All information about his activities was recorded in Literary

Chinese, using the northern Chinese official dialect as the pronunciation standard; the phonetic rendering of his name (disregarding the meaning of characters) varies across chronicles and works by different authors, and even within different sections of the same chronicle compiled in different years, yet it always remains roughly similar in sound. For instance, in chronicle sections covering 1218–1221, his name is recorded as “Ch’alla/Zhálà”, while after 1231, it appears only as “Sallyet’ap/Sălītă”, from which the best-known Russian-language version of his name, “Saritai”, originated. It can be confidently stated that the occasionally mentioned nickname of Saritai – Middle Mongolian *qorči*, Chinese *huǒlǐchì* – means “quiver-bearer” or “arms-bearer”.

Regarding his personal name, it is known that in 1217, Genghis Khan granted control over all lands captured from the Jurchens to Muqali from the Jalair tribal confederation, who led the conquest of Northeast Asia, during which Saritai invaded Koryŏ. We suggest that Saritai/Zhálà is not a personal name but rather a phonetic rendering of the word “Jalair”, as the Mongols often used tribal names as personal names. Thus, it can be asserted with high probability that “Ch’alla/Zhálà” and “Sallyet’ap/Saritai” are two variants of the same tribal name, with “Saritai qorči” interpreted as “archer from the Jalair tribe”. The commander’s true personal name obviously has not been preserved in history.

Following materials from Korean and Chinese chronicles and historical works were studied: “Yuan Shi” (“History of Yuan Dynasty”, 1370), “Koryŏsa” (“History of Koryŏ”, 1451), “Koryŏsa choryŏ” (“Essentials of Koryŏ History”, 1452), “Tongguk pyŏnggam” (“Military Review of the Eastern Kingdom”, mid-15th century), “Yuan Shi Shizu Biao” (“Genealogy of Clans and Tribes Mentioned in History of Yuan Dynasty”, 15th century), Wen Tingshi’s “Yuan Gaoli Jishi” (“Chronicles of Koryŏ during Yuan Dynasty”, 1917), and Ke Shaomin’s “Xin Yuan Shi” (“New History of Yuan Dynasty”, 1920), as well as “Niguča Tobčıyan” (“The Secret History of the Mongols”, mid-13th century).

Н. Ю. Чалисова
(НИУ ВШЭ)

В. В. Брыкина
(независимый исследователь)

**Любовь, политика и поэтика:
о «Пяти сокровищах» суфийских поэм
‘Имада Факиха Кирмани**

Ключевые слова: персидская поэзия; суфизм; ‘Имад Факих Кирмани; нарративная поэзия; поэтика

В истории персидской литературы постмонгольский период (XIV в.) – это век расцвета газели, эпоха Хафиза; между тем, каноны нарративной поэзии в это время тоже существенно менялись: жанровая номенклатура расширялась, а противопоставление суфийской и светской поэзии уступало место разным типам объединения. Маснави многих поэтов этой эпохи до сих пор не прочтены, тогда как их изучение может существенно пополнить наши представления о развитии жанрового канона персидской поэмы.

К числу видных, но малоизученных поэтов XIV в. принадлежит ‘Имад Факих Кирмани (кон. XIII в. – ок. 1371). Уроженец Кирмана, он уже в юном возрасте унаследовал от отца, последователя тариката шейха ‘Абд ас-Салама Камуи, руководство ханакой; он стал прославленным суфийским поэтом и наставником юного Шаха Шуджа, наследника Мубариз ад-Дина Музафарида, а с 1359 г. – правителя Фарса. Поэтическое наследие ‘Имада, наряду с собранием касид и газелей, составляют шесть суфийских дидактических поэм, пять из которых в дальнейшей трансмиссии были объединены под названием «Пять сокровищ» (*Panj ganj*).

Доклад сфокусирован на обсуждении основных черт новаторской поэтики этих суфийских маснави. Во всех поэмах «Пятерицы» ведущим приемом служит объединение конвенциональных элементов разных жанров и жанровых форм: автор уснащает поэмы панегириками правителям и министрам, которые в его эпоху уже выступают как их заказчики, соединяет восхваления шахам с политической дидактикой; объединяет в рамках одного маснави жанры прений (*муназара*) и диалога влюбленных, формы маснави и газели (а в «Десяти письмах» – даже касыды), превращает письма сильным мира сего в любовные послания, включает в ткань повествования биографический элемент в стиле «рассказов о себе» (*hasb-i hāl*) и т. д. Все эти новации рассматриваются в докладе в сопряжении с социальным контекстом, мировоззренческими установками ‘Имада Факиха и «литературной модой» поэтического круга, объединявшего поэтов Шираза, Кирмана, Исфахана и отчасти Багдада.

Natalia Yu. Chalisova

(HSE University)

Vladlena V. Brykina

(independent researcher)

**Love, policy, and poetics:
On the “Five treasures” of Sufi masnavis
by ‘Imad Faqih Kirmani**

Keywords: Persian poetry; Sufism; ‘Imad Faqih Kirmani; narrative poetry; poetics

In the history of Persian literature, the post-Mongol period (14th century) is usually associated with the flourishing of the ghazal form and the era of Hafiz; meanwhile, the canons of narrative poetry underwent significant transformations during this

period: the genre nomenclature expanded, and the opposition between Sufi and secular poetry gradually yielded to various forms of synthesis. The numerous *masnavis* from this period remain largely unexplored, whereas their study holds the potential to enhance our understanding of the evolution of Persian narrative poetry.

Among the prominent yet understudied poets of the 14th century is ‘Imad Faqih Kirmani (d. 1371). A native of Kirman, he inherited the leadership of the *khanqah* at a young age from his father, a follower of the Sheikh ‘Abd as-Salam Kamu’i’s *tariqah*. Afterwards, he became a renowned Sufi poet and the mentor of the young Shah Shuja’ (first the heir of Mubarriz ad-Din Muzaffarid, and, from 1359, the ruler of Fars). ‘Imad’s poetic corpus, in addition to his collection of *qasidas* and *ghazals*, comprises six Sufi didactic poems, five of which were consolidated under the title “Panj Ganj” (Five Treasures) in later textual transmissions.

This paper focuses on discussing the key features of the innovative poetics of these *masnavis*. Throughout the whole of “Panj Ganj”, the principal technique is the synthesis of conventional elements from various genres and poetic forms: the author embellishes the Sufi *masnavis* with panegyrics to rulers and ministers, who, in his era, functioned as patrons; intertwines praise of the kings with political didacticism; integrates the genres of disputation (*munazara*) and dialogue between lovers within a single *masnavi*; merges the forms of *masnavi* and *ghazal* (and even *qasida* in the *Dah-nama*); transforms letters for powerful figures into love messages; integrates a biographical element into the narrative framework in the style of “self-narratives” (*hasb-i hāl*), etc. We try to show that all the innovations under discussion relate in some way to the social context of ‘Imad Faqih’s time, to his spiritual disposition, and to the “literary fashion” of the poetic circle that united the poets of Shiraz, Kirman, Isfahan, and Baghdad.

*

*

*

Наши авторы и редакторы

Акопян Александр Владимирович — канд. истор. наук, старший научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: alexakopyan@gmail.com

Белозерцева Александра Ильинична — студентка 5-го курса образовательной программы «Христианский Восток» Института классического Востока и античности, НИУ ВШЭ.

Бельский Владимир Викторович — канд. теологии, доцент кафедры библейско-богословских дисциплин Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. Кирилла и Мефодия, доцент кафедры церковной истории Московской духовной академии.

E-mail: b_volodimir@mail.ru

Брыкина Владлена Валерьевна — магистр филологии (Институт классического Востока и античности, НИУ ВШЭ), независимый исследователь.

E-mail: vladabrykina@mail.ru

Бутолин Владимир Денисович — аспирант ИСАА МГУ.

E-mail: vdbutolin@edu.hse.ru

Гордиенко Елена Витальевна — канд. культурологии, старший преподаватель кафедры филологии стран Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии ИСАА МГУ.

E-mail: gordylena@gmail.com

Горяева Любовь Витальевна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: goriaeva@mail.ru ; l.goriaeva@yandex.ru

Занд Загрос — канд. истор. наук, научный сотрудник Исследовательского института *Мирас-е мактуб* (Письменное наследие), Иран.

E-mail: zagros.zand@gmail.com

Ибрагимова Заира Багаудиновна — научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
E-mail: mzaira@list.ru

Казакевич Ольга Анатольевна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН; доцент Института лингвистики РГГУ.
E-mail: kazakevich.olga@gmail.com

Кириллова Анастасия Кирилловна — канд. филол. наук, независимый исследователь.
E-mail: kirillova.avangardpkf@gmail.com

Корнеева Татьяна Георгиевна — канд. филос. наук, старший научный сотрудник сектора философии исламского мира Института философии РАН.
E-mail: tankorney@gmail.com

Лажути Лейли Гасемовна — старший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН, куратор Иранского кабинета имени проф. М.-Н. О. Османова.
E-mail: lahuty@gmail.com

Лажути София Валерьевна — младший научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.
E-mail: s.lahuti@ivran.ru

Магомедова Зейнаб Ахмеддибировна — канд. истор. наук, старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
E-mail: zaynab@yandex.ru

Машадирафи Фереште — магистр по русскому языку и литературе, научный сотрудник Исследовательского института *Мирас-е мактуб* (Письменное наследие), Иран.
E-mail: f.m.rafi@gmail.com

Микульский Дмитрий Валентинович — доктор истор. наук, главный научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН, член Ученого совета ИВ РАН.

E-mail: dmitrimikulski@mail.ru

Мишин Дмитрий Евгеньевич — канд. ист. наук, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

E-mail: mde@mts.ru

Настич Владимир Нилович — канд. истор. наук, зав. отделом памятников письменности народов Востока ИВ РАН, член Ученого совета ИВ РАН.

E-mail: vnn@bk.ru ; vladimir@nastich.net

Никитенко Евгения Леонидовна — канд. истор. наук, доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

E-mail: evgnikitenko@yandex.ru

Нурмагомедов Абдулгамид Магомедович — канд. истор. наук, младший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: bahrain2020@mail.ru

Нуров Нурали — доктор филол. наук, профессор, директор Научно-исследовательского института социальных наук Худжандского государственного университета им. ак. Б. Гафурова (Таджикистан).

E-mail: nurali74@mail.ru

Османова Милена Нуриевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: osmanova-milena@rambler.ru

Пригарина Наталья Ильинична — доктор филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

E-mail: prigarina@gmail.ru

Притула Антон Дмитриевич — доктор филол. наук, зав. сектором Византии и Ближнего Востока Отдела Востока Государственного Эрмитажа; главный научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

E-mail: pritulanna@googlemail.com

Пышненко Максим Романович — магистрант Восточного факультета СПбГУ.

E-mail: maximpyshnenko@yandex.ru

Рейснер Марина Львовна — доктор филол. наук, профессор кафедры иранской филологии ИСАА МГУ.

E-mail: marinareys@iaas.msu.ru

Розов Владимир Андреевич — канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры арабской филологии СПбГУ.

E-mail: vladirozov@yandex.ru

Сайтбатталов Искандер Расулевич — канд. филол. наук, доцент Уфимского университета науки и технологий.

E-mail: saitbattaloff@yahoo.com

Сидоров Артур Михайлович — ведущий библиотекарь в Центре востоковедческих исследований Российской национальной библиотеки, хранитель библиотеки академика И.Ю. Крачковского.

E-mail: arthur_sidorov@mail.ru

Соколов Олег Александрович — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры арабской филологии СПбГУ.

E-mail: olegs1291@gmail.com

Сулаймонова Хулкар Муминжоновна — доктор философии по филологическим наукам (PhD), докторант Ташкентского государственного университета узбекского языка и литературы им. Алишера Навои.

Е-mail: sulaymonovahulkar17@gmail.com

Тимохин Дмитрий Михайлович — канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока ИВ РАН.

Е-mail: horezm83@mail.ru

Толмачева Екатерина Николаевна — соискатель кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Е-mail: entolmacheva@bk.ru

Торопыгина Мария Владимировна — канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

Е-mail: meshtorop@gmail.com

Тхор Светлана Вячеславовна — канд. ист. наук, младший научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

Е-mail: svetlanavadi@mail.ru

Тюлина Елена Валерьевна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН.

Е-mail: tyulina57@mail.ru

Хазизова Ксения Владимировна — старший преподаватель Кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ, ведущий методист Международного центра корееведения МГУ.

Е-mail: khazizovakv@my.msu.ru

Чалисова Наталья Юрьевна — канд. филол. наук, главный научный сотрудник Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

E-mail: chalisova@hotmail.com

Our authors and editorial team

Akopyan Alexander V. — PhD in History, Senior Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: alexakopyan@gmail.com

Belozertseva Alexandra I. — 5th year student at the "Christian East" program, HSE University.

Belsky Vladimir V. — PhD in Theology, assistant professor of Department of biblical and theological studies of Saint Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, assistant professor of Department of Church history of Moscow Theological Academy.

E-mail: b_volodimir@mail.ru

Brykina Vladlena V. — Master of Philology (HSE University), independent researcher.

E-mail: vladabrykina@mail.ru

Butolin Vladimir D. — Ph.D. student at Institute for Asian and African cultures, MSU.

E-mail: vdbutolin@edu.hse.ru

Chalisova Natalia Yu. — PhD in Philology, Chief Research Fellow at the Institute of Oriental and Classical Studies, HSE University.

E-mail: chalisova@hotmail.com

Gordienko Elena V. — PhD in Cultural Studies, Senior Lecturer at the Department of Philology of Southeast Asian Countries, Korea, and Mongolia, Institute for Asian and African cultures, MSU.

E-mail: gordylena@gmail.com

Goryaeva Lubov V. — PhD in Philology, Leading Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: goriaeva@mail.ru ; l.goriaeva@yandex.ru

Ibragimova Zaira B. — Research Associate at the Department of Oriental Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan, Federal Research Centre RAS.

E-mail: mzaira@list.ru

Kazakevich Olga A. — PhD in Philology, Leading Research Fellow at the Institute of Linguistics, RAS; Associate Professor at the Russian State University for the Humanities.

E-mail: kazakevich.olga@gmail.com

Khazizova Ksenia V. — The Senior Lecturer at the Department of History of the Far East and Southeast Asia, Institute for Asian and African cultures, MSU.

E-mail: khazizovakv@my.msu.ru

Kirillova Anastasia K. — PhD in Philology, independent researcher.

E-mail: kirillova.avangardpkf@gmail.com

Korneeva Tatiana G. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow at the Philosophy of the Islamic World Sector, Institute of Philosophy RAS.

E-mail: tankorney@gmail.com

Lahuti Leyli G. — Senior Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS; Curator of the Iranian Cabinet named after Prof. M.-N. O. Osmanov.

E-mail: lahuty@gmail.com

Lahuti Sofia V. — Junior Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: s.lahuti@ivran.ru

Magomedova Zeinab M. — PhD in History, Senior Research Fellow at the Department of Oriental Studies Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan, Federal Research Centre RAS.

E-mail: zaynab@yandex.ru

Mashhadirafi Fereshteh — MA in Russian language and literature, researcher at the *Miras-e Maktoob* Research Institute (The Written Heritage Research Institute), Iran.

E-mail: f.m.rafi@gmail.com

Mikulski Dmitri V. — Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS; Member of the Academic Council of the Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: dmitrimikulski@mail.ru

Mishin Dmitriy Ye. — PhD in History, Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: mde@mts.ru

Nastich Vladimir N. — PhD in History, Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS; Member of the Academic Council of the Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: vnv@bk.ru ; vladimir@nastich.net

Nikitenko Evgeniya L. — PhD in History, Associate Professor at the Institute of Oriental and Classical Studies, HSE University.

E-mail: evgnikitenko@yandex.ru

Nurmagomedov Abdulgamid M. — PhD in History, Junior Research Fellow of the Oriental Studies Department, Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences.

E-mail: bahrain2020@mail.ru

Nurov Nurali — Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Social Sciences at the Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Tajikistan.

E-mail: nurali74@mail.ru

Osmanova Milena N. — PhD in History, Senior Research Fellow of the Oriental Studies Department, Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, RAS.

E-mail: osmanova-milena@rambler.ru

Prigarina Natalia I. — Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: prigarina@gmail.ru

Pritula Anton D. — Doctor of Philological Sciences, Head of the Byzantium and Near East Sector of the Oriental Department at the State Hermitage Museum; Chief Research Fellow at the Institute of Oriental and Classical Studies, HSE University.

E-mail: pritulanna@googlemail.com

Pyshnenko Maksim R. — 1st-year Master's student, Faculty of Asian and African Studies, SPbU.

E-mail: maximpyshnenko@yandex.ru

Reysner Marina L. — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Iranian Philology, Institute for Asian and African cultures, MSU.

E-mail: marinareys@iaas.msu.ru

Rozov Vladimir A. — PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Asian and African studies, SPbU.

E-mail: vladirozov@yandex.ru

Saitbattalov Iskander R. — PhD in Philology, Associate Professor at Ufa University of Science and Technology.

E-mail: saitbattaloff@yahoo.com

Sidorov Artur M. — leading librarian at the Center for Oriental Studies of the Russian National Library, and the curator of the library of academician I. Yu. Krachkovsky.

E-mail: arthur_sidorov@mail.ru

Sokolov Oleg A. — PhD in History, Senior Lecturer at the Department of Arabic Philology, SPbU.

E-mail: olegs1291@gmail.com

Sulaymonova Khulkar M. — PhD in Philology, Doctoral Researcher at the Alisher Navoi Tashkent State University of Uzbek Language and Literature, Uzbekistan.

E-mail: sulaymonovahulkar17@gmail.com

Timokhin Dmitriy V. — PhD in History, Senior Research Fellow at the Department of History of the East, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: horezm83@mail.ru

Tolmacheva Ekaterina N. — applicant for the Chair of international law Russian State Pedagogical University. A.I. Gerzen.

E-mail: entolmacheva@bk.ru

Toropygina Maria V. — PhD in Philology, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: meshtorop@gmail.com

Tkhor Svetlana V. — PhD in History, Junior Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: svetlanavadi@mail.ru

Tyulina Elena V. — PhD in History, Senior Research Fellow at the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies RAS.

E-mail: tyulina57@mail.ru

Zand Zagros — PhD in history of Ancient Iran, Research Associate at *Miras-e Maktoob* Research Institute (The Written Heritage Research Institute), Iran.

E-mail: zagros.zand@gmail.com

* * *

XV ежегодная проблемно-методологическая конференция
«Текстология и источниковедение Востока». 20–22 октября 2025 г.

Тезисы докладов

Электронная PDF-версия для размещения на сайте ИВ РАН